

ЁСА
БУСОН

СТИХИ И ПРОЗА

Книжка

ЯПОНСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

*Вереницей гусей —
Строка, а ниже печать —
Луна над горой.*

БУСОН

Ё С А
Б У С О Н
С Т И Х И И П Р О З А

Перевод с японского
ТАТЬЯНЫ
СОКОЛОВОЙ-ДЕЛЮСИНОЙ

ББК 84(5Япо)

Б 926

Б 926 Ёса Бусон

Стихи и проза / Пер. с яп., предисл. и коммент.
Т. А. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион,
1998. – 256 с. – (Японская классическая библиотечка. VIII).

Сборник произведений Ёса Бусона (1716–1783), одного из самых знаменитых мастеров поэзии *хокку*, которого ставят в один ряд с великим Мацуо Басё и Кобаяси Исса, включает в себя, помимо поэзии, никогда ранее не издававшуюся на русском языке прозу в стиле *хайбун* и образцы *фэнку* («нанизанных строф»). Сборник представляет и Бусона, снискавшего славу одного из величайших художников своей эпохи — в качестве иллюстраций воспроизведены его картины-*хайга*.

На фронтистисе: автопортрет Бусона.

ББК 84(5Япо)

Перепечатка данного издания или отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно только с разрешения издательства.

© Перевод, комментарий

Т. А. Соколова-Делюсина, 1998

ISBN 5–89332–014–X

© Издательство «Гиперион», 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ценность отдельных литературных явлений, верность соотношений между ними, значительность имен — все это отчетливее видится издалека, чем вблизи, и дело потомков — расставлять акценты. Японские поэты XVIII века из множества поэтов, творивших в XVII, выбрали одно имя, достойное называться великим — Басё, поэты XX века, оглянувшись на XVIII, увидели Бусона. Но если Басё был по достоинству оценен своими современниками, то Бусон не удостоился громкой прижизненной славы, однако с его именем связывают теперь один из наиболее значительных этапов в развитии поэзии «хайку». Более того, именно Бусона многие нынешние поэты считают предтечей современной поэзии и, говоря о влиянии предшественников на свое творчество, называют его имя.

Между тем при жизни и долгое время после смерти Бусон был известен скорее как художник, чем как поэт. Возможно, и для него самого живопись почти всегда была на первом плане, и только в последние годы жизни ее несколько потеснила поэзия.

Творчество Бусона приходится на то время, когда поэзия «хайкай» (куда относятся «нанизанные строфы» — «рэнга» и выделившееся из них к XVI веку трехстишие «хокку» или, как его называют теперь, «хайку»), пережившая период расцвета, связанного с творческой деятельностью Басё (1644–1694), пришла в упадок, утратив свое высокое значение и выродившись в чисто шуточный развлекательный жанр. Школа Басё распалась на множество соперничающих между собою групп, общий уровень поэтического мастерства резко снизился. Пожалуй, единственным положительным фактором было проникновение поэзии в провинцию и распространение ее среди самых широких масс населения. Возможно, именно вовлечение в поэтическую активность свежих сил и подготовило новый взлет поэзии «хайкай», который произошел во второй половине XVIII века и связывается с деятельностью Бусона и поэтов его школы.

О жизни Бусона известно не так уж много, особенно о его юности. По тем или иным причинам он предпочитал умалчивать о некоторых обстоятельствах своей жизни и лишь по весьма скудным, вскользь брошенным замечаниям из его

писем можно строить те или иные догадки и предположения. Бусон родился в 1716 году, то есть через 22 года после смерти Басё. Семья его, судя по всему, жила в достатке. Отец, бывший чем-то вроде сельского старосты в деревне Кэма, неподалеку от Осаки, имел фамилию Танигути (Бусон — псевдоним, которым поэт подписывал свои произведения в зрелые годы, до этого он использовал другие псевдонимы. Такова была традиция — примыкая к какой-нибудь школе и начиная публиковаться, поэт обязательно брал псевдоним, который впоследствии мог быть изменен в связи с теми или иными обстоятельствами его жизни). Мать — и это тоже всего лишь одно из предположений — была родом из местечка Ёса, поэтому впоследствии поэт часто называл себя Ёса Бусон. Несомненно, что в детстве он получил хорошее образование: читал китайских и японских классиков, учился живописи. Предполагают, что Бусон рано потерял родителей и лет в 17–19 уехал из Эдо. На родину он больше не возвращался, хотя постоянно мечтал о возвращении — не зря поэт нашего века Хагивара Сакутаро, большой поклонник Бусона, называл его поэтом ностальгического склада. В самом деле, ностальгическим чувством проникнуты многие трехстишия Бусона, не говоря уже о поэтическом цикле «Весенний ветерок над дамбой Кэма». Почему он, большую часть своей жизни проживший в Киото, то есть не так уж и далеко от своего родного селения, ни

разу не побывал там — одна из тайн его жизни, которую пока никому раскрыть не удалось.

Бусон приехал в Эдо, очевидно, для того, чтобы учиться живописи и поэзии. Очень скоро он присоединился к школе Хаяно Хадзина (1676—1742), одного из крупнейших поэтов того времени, ученика Кикаку и Рансэцу (которые в свою очередь были учениками Басё, то есть Хадзин по существу продолжал линию Басё). Хадзин был главой поэтической школы «Полночная беседа» (Яхантё) — так он называл свое жилище в Эдо в районе Нихонбаси. Бусон вступил на поэтическое поприще в тридцатые годы XVIII века, как раз тогда, когда по всей стране быстро распространялось движение за «возврат к Басё», и школа Хадзина играла в этом движении едва ли не основную роль.

В 1742 году Хадзин скончался. Вскоре после его смерти Бусон покинул Эдо и около десяти лет провел в странствиях: то жил у своего друга поэта Ганто в местечке Юки, то бродил по району Тохоку, то путешествовал по Северу, пытаясь повторить путь Басё. В отличие от Басё, подробных путевых дневников Бусон не оставил, но многие впечатления зафиксированы в эссе («хайбун»), которые он писал и в те годы, и позже. Наконец, в 1753 году Бусон переехал в Киото, где и жил до самой своей смерти.

Поселившись в Киото, Бусон очень скоро стал одной из центральных фигур в группе художников,

которые, как и он, видели свой идеал в китайской живописи, особенно в живописи школы «художников-интеллектуалов» («вэньжэньхуа», яп. «бундзинга»). Далеким от всех общественных движений, «художники-интеллектуалы» стремились, порвав связи с действительностью, обрести свободу духа в мире искусства. Истинный «интеллектуал» («бундзин») — это человек, нигде на службе не состоящий, живущий свободно и занимающийся искусствами, причем одновременно сведущий в пяти видах искусства — в стихах, прозе, каллиграфии, живописи, резании печатей. Друзья Бусона были одновременно учеными, философами, литераторами. Иногда их называют дилетантами, они и в самом деле творили словно «забавы ради», однако за внешней простотой и свободой самовыражения, за кажущейся сиюминутностью их творчества всегда стоял доведенный до совершенства профессионализм. Собираясь вместе, «художники-интеллектуалы» пили вино, любовались прекрасными пейзажами, читали и сочиняли стихи, «развлекались тушью».

Многочисленные заказы обеспечивали Бусону стабильное и безбедное существование, и в 1759 году в сорока четырехлетнем возрасте он нашел для себя возможным обзавестись семьей: женился, и вскоре у него родилась дочь Куно. Все это время стихи были для Бусона побочным занятием, и только после пятидесяти лет поэзия стала занимать в его жизни место равное живописи. Соб-

ственно говоря, все лучшее, что он написал, было написано им в последние 15 лет жизни. По-настоящему профессиональным поэтом Бусон стал только в 1770 году, то есть за 13 лет до смерти. В этом году в его жизни произошло весьма значительное событие: он был объявлен преемником умершего 28 лет назад Хадзина и стал главой школы «Полночная беседка». Получив звание «тэндзя» — так назывались поэты, которые имели право быть судьями на поэтических собраниях, — Бусон вошел в число признанных мастеров.

Атмосфера в Японии в те годы была весьма тяжелой. На страну одно за другим обрушивались стихийные бедствия, в обществе в результате политики печально известного министра Танума Окицугу произошло резкое расслоение, выразившееся в обогащении верхних слоев воинского и купеческого сословий и обнищании низших. Жизнь самого Бусона тоже складывалась не лучшим образом: он часто болел, любимая дочь Куно сначала покинула его, выйдя замуж, потом брак ее оказался неудачным и она вынуждена была вернуться домой. От всех этих бед и неудач Бусон искал спасения в мире поэзии и живописи, стремясь обрести в нем ту гармонию красоты, которой так недоставало ему в действительности.

С 1780 года Бусон почти не вставал с постели. 24 октября 1783 года он попросил одного из

своих любимых учеников, художника Гэккэя, записать свои последние трехстишия:

Иволга.
Не так ли пела когда-то она
У дома Ван Вэя?

С белой сливы
Теперь для меня начинается
Каждое утро.

На рассвете 25 декабря в возрасте 67 лет Бусон скончался. Ученики похоронили своего учителя неподалеку от восстановленной им хижины Басё в храме Компукудзи. Шесть лет назад, установив рядом с хижинной Басё каменную стеллу, Бусон высек на ней такие слова:

Я тоже умру.
Зашелестят над могилой сухие
Метелки мисканта...

Бусон считал себя последователем Басё, но, верный заветам старца Банановой хижины, призывавшего искать не «следы древних, а то, что искали они», шел в поэзии совершенно иным путем. Главное различие заключалось, наверное, в том, что Басё был устремлен во вне, а Бусон был устремлен во внутрь. Один был аскет, странник, ведомый желанием обрести истину, проникнуть в тайны мира, другой — эпикуреец, отдававший дань

всем земным утехам, всегда готовый предпочесть уютное уединение своего кабинета неустроенности страннической жизни. Когда-то Басё призывал учеников к беспристрастности: «Если хочешь передать суть бамбука, сам стань им». Для Бусона поэзия была не столько средством проникновения в сокровенную суть окружающего его мира, сколько возможностью создать свой собственный мир, в его поэзии объективность реального всегда сплавлена с субъективностью идеального, конкретность осязаемого, видимого, слышимого образа соединяется с его уходящей в бесконечное обобщенностью. Взять, к примеру, его стихотворение о бабочке:

Сон или явь?
Трепетанье зажатой в горсти
Бабочки...

На первом плане — осязуемое явственно кончиками пальцев, всей ладонью прикосновение трепещущего крошечного тельца, на втором — щемящее чувство беспомощности слабого человеческого существа перед огромностью мира, ощущение хрупкости, мимолетности жизни. Или такое трехстишие:

Прикрыты угли
Золой. Домик же мой надежно
Укутан снегом.

С первого же взгляда оно может показаться простой зарисовкой с натуры, но немудреное на первый взгляд сопоставление углей, прикрытых золой, и дома, укутанного снегом (четырёх-слойность композиции: угли — зола — дом — снег), создает образ стремительно расширяющегося пространства, и душа поэта, являясь центральной (уголек, прикрытый золой) точкой этого пространства, оказывается открытой в бесконечность. Если Басё стремился прежде всего фиксировать в своих творениях истинный облик мира, раскрывать его взаимосвязи, для Бусона главным было запечатлеть жизнь собственной души, подчинить конкретные образы внешнего мира биению собственного сердца. Пожалуй, именно эта ярко выраженная личностная окраска поэзии Бусона и сделала его творчество столь притягательным для современных поэтов.

На этом можно было бы и поставить точку, но поскольку за годы своего общения с японской поэзией я встречалась с совершенно разным к ней отношением, мне хотелось бы сказать несколько слов о самой поэзии «хайкай», о ее особенных, непривычных для человека, воспитанного на традициях европейской поэзии, методах и приемах. Бусон, при всех своих индивидуальных качествах и своем новаторстве, точно так же, как его предшественники, и точно так же, как его последователи, принадлежал к определенной поэтической

культуре, и не зная особенностей этой культуры, не так-то просто войти в мир его поэзии.

В наши дни во всех странах появилось немало поклонников японских «хайку», есть они и в России. Но многие, впервые знакомясь с японскими трехстишиями, лишь пренебрежительно пожимают плечами — да разве это поэзия? Ну что поэтического, к примеру, в знаменитом стихотворении Басё: «Старый пруд // Прыгнула в воду лягушка // Всплеск в тишине». Ну, лягушка, ну, прыгнула — что тут такого, где здесь поэзия? Да так кто угодно может написать. Почему же эта поэзия оказывается столь притягательной для одних, и почему она отталкивает других? Причина здесь одна и та же — дело в том, что «хокку», или если говорить по-современному «хайку», это не просто поэзия, это особый способ мышления, особый способ видения мира, совершенно отличный от того, который свойственен европейским поэтам и к которому мы приучены с детства. А непривычное почти всегда либо пленяет, либо отталкивает.

Интересно, что пятистишие «танка» не вызывает такого неприятия и это не случайно. Если попробовать сопоставить «танка» и «хайку» с привычной нам западной поэзией, то можно заметить, что при всем своеобразии «танка» все-таки ближе западной поэзии, чем «хайку». Поэт, сочиняющий «танка», так же, как и любой западный поэт-лирик, в конечном счете говорит о своих чувствах. Другое дело, как он об этом говорит и

ради чего. «Хайку» же, при всем своем родстве с «танка», поэзия принципиально нового типа. Для поэта, пишущего «танка», природа, окружающий мир представляют собой набор символов, которые он использует для того, чтобы сообщить о своем чувстве, или, вернее, намекнуть на него. Ему совершенно не обязательно видеть то, о чем он пишет. «Хайдзин» — поэт, пишущий «хайку» — относится к окружающему его миру, к природе совершенно иначе. Он должен прежде всего увидеть тот конкретный предмет, то единичное явление, которое станет центральным в его стихотворении, причем не просто увидеть, а подметить нечто необычное, новое в его обыкновенности, уловить элемент вечности, всеединства в определенности сиюминутного облика. Поэтому «хайдзины» так много путешествовали — им была необходима новизна ощущений, они должны были постоянно развивать в себе умение «видеть». Процесс создания «хайку» сродни озарению дзэнского монаха — вдруг увидев какую-то вещь, возможно в несколько непривычном для нее ракурсе, или сопоставив два обычно несопоставимых предмета, поэт испытывает мощный импульс, вдруг открывая для себя внутреннее единство мира, единство природного и человеческого, в результате этого импульса и рождается трехстишие «хайку». Фиксируя в нем не само чувство, а его причину, поэт передает свой импульс читателю, побуждая

и его «увидеть» и почувствовать то, что вдруг открылось ему.

Вернемся к процитированному выше трехстишию Басё о лягушке. В нем соединяются (именно соединяются, а не описываются) два вполне конкретных образа — «пруд» и прыгнувшая в этот пруд «лягушка». Поэт не говорит о том, что почувствовал, когда лягушка прыгнула в пруд, не описывает сам пруд (как это наверняка сделал бы европейский поэт), но читатель, призвав на помощь воображение, может явственно ощутить щемящую тишину заброшенного сада, тишину, которая становится еще более глубокой, более полной после прозвучавшего в ней всплеска. Читатель должен услышать и всплеск, и наступившую после него тишину, должен увидеть тенистый уголок сада, затянутую ряской неподвижную поверхность старого пруда. Таково искусство «хайку». Если бы Аполлон Майков был «хайдзином», то написав: «Весна! Выставляется первая рама!» — он не добавил бы к этому ни слова, предоставив читателю самому услышать и «благовест ближнего храма, и говор народа, и стук колеса», самому увидеть голубую весеннюю даль, ощутить запах жизни и воли. Конечно, для того, чтобы все это почувствовать, нужна определенная подготовка души, нужно развить в себе способности откликаться на зов поэта, умение, ухватившись за данный поэтом конкретный образ, мгновенно вытягивать длинную цепь ассоциаций. Причем

ассоциации могут быть разные, но и в этом разнообразии есть своя ценность.

Разумеется, если говорить о полноте восприятия «хайку», то она возможна лишь в том случае, если поэт и читатель объединены общей культурной традицией, предусматривающей существование развитой системы ассоциативных связей на всех уровнях — от самого низкого до самого высокого, от бытового до литературного. Японцу трудно понять значение выставленной весенней рамы, а у русского вряд ли возникнут должные ассоциации, когда он, к примеру, прочтет трехстишие Бусона о тьме, наступившей на рисовых полях — ведь разбросанные повсюду прямоугольники заливных рисовых полей, в каждом из которых отражается луна, для человека, живущего в России, зрелище непривычное.

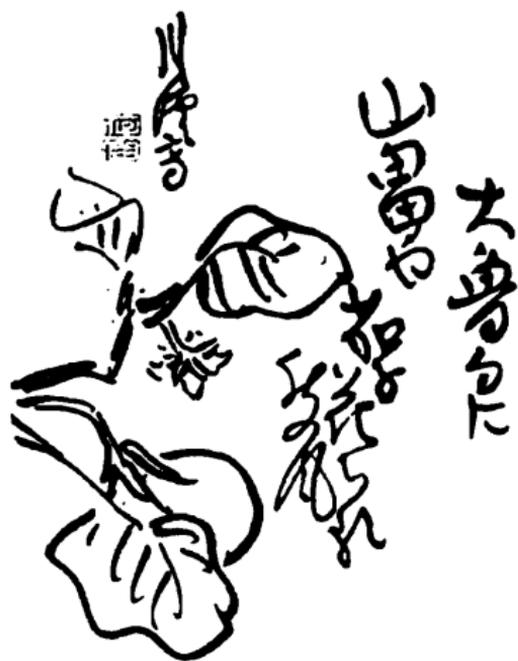
И все же в «хайку» почти всегда есть элемент общечеловеческого, который и делает возможным понимание этой своеобразной поэзии людьми, принадлежащими к иной культуре. Главное — научиться видеть мир так, как видит его японский поэт: улавливать в конкретности бытия приметы вечности, сопоставлять на первый взгляд несопоставимое, ощущать слитность природного и человеческого, замечать единство разнovidного. Многозначность же восприятия обусловлена особенностями самой поэзии, ее глубинным смысловым потенциалом. На один и тот же зов отклик может быть разным, а «хайку» — творение сов-

местное — того, кто посылает зов, и того, кто на него откликается. Сила зова, его способность дать импульс глубокому и ярко окрашенному чувству, зависит от мастерства поэта. Полнота же отклика определяется чуткостью души читателя, богатством его внутреннего мира.

Кажется, что «хайку» написать очень просто, но эта внешняя простота сродни простоте взмаха кисти каллиграфа, за легкостью которого долгие годы труда руки и души. «Хайдзин» должен постоянно быть чреват поэзией, чтобы уметь в любой момент откликнуться сердцем на увиденное, и, зафиксировав это увиденное в слове, передать другим.

ТРЕХСТИШИЯ
Х О К К У

発
句
編

ДОЛГИЕ ДНИ

Думая о прошлом...

Долгие дни
Один за другим. Все дальше
Весна моей жизни.

* * *

Долгие дни.
По закоулкам столицы гуляет
Гулкое эхо.

ВЕСЕННИЕ ВЕЧЕРА,
ВЕСЕННИЕ СУМЕРКИ,
ВЕСЕННИЕ НОЧИ

* * *

Юношей нежным
Обернулась ловко лисица.*
Весенний вечер.

* * *

Бездумно
Дорогие трачу куренья.
Весенний вечер.

* * *

Задремал,
Но внезапно очнулся — зашло
Весеннее солнце.

* * *

Благоуханное
Платье брошено на пол небрежно.
Весенние сумерки.

* * *

Интересно, кого
Это низкое ждет изголовье?
Весенние сумерки...

* * *

Где же тот юг,
Откуда рождается эхо?
Весенние сумерки...

* * *

Храмовых врат
Скрипят тяжелые створы.
Весенние сумерки...

* * *

Весенние сумерки.
Из мимо идущих никто
Домой не спешит.

* * *

Один день, другой...
Весна... Но такая ль как прежде?
Воспоминая...*

*Китайские поэты за весенний вечер гото-
вы отдать золотые горы* , наши воспева-
ют тронутые пурпуром рассветы...**

Весенняя ночь...
Вечер, рассвет, она же —
Где-то меж ними.

* * *

Весенняя ночь.
Стук лоханей, всплески воды.
Городские предместья.

* * *

Весенняя ночь.
Лисьи чары охотно пускают в ход
Молодые служанки.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

* * *

Уходит весна.
На издателя копит в душе обиду
Хозяин стихов.

* * *

Из старой лохани
Вода вытекает — капля за каплей.
Уходит весна.

* * *

Уходит весна.
Лютня в руках моих
Все тяжелее.

* * *

Уходит весна.
Ах, как же ленива, нерасторопна
Поздняя вишня.

*Занимаясь сочинением трехстиший в
доме Сёха*...*

Уходит весна.
Замелькали венчики белых цветов
Сквозь щели ограды.

* * *

Уходит весна.
Вот уже лиловыми стали
Склоны Цукуба.

* * *

Уходит весна.
В полумраке кареты невнятный
Нежный лепет.

* * *

Уходит весна.
Словно бы вовсе не движется
С хвостом лодка.

* * *

Снова одна.
Глощает ревнивые слезы жена
На исходе весны.

* * *

Уходит весна.
А тут еще задевались куда-то
Любимые очки.

* * *

Уходит весна.
Только что лодка стояла у берега —
Куда уплыла?

ВЕСЕННЯЯ ЛУНА,
ЛУНА СКВОЗЬ ДЫМКУ

*Весенним вечером, собравшись в узком
кругу, сочиняли трехстишия, и мне
выпала тема «луна над горой Эмэй»* ...*

Сквозь тонкую ткань
Твой силуэт так нечеток. Луна
Над вершиной Эмэй.

* * *

Сквозь дымку — луна.
Замутили лапки лягушек
Небо в пруду.

* * *

Грушевый сад.
Остановился замороженный:
Сквозь дымку — луна.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

* * *

Домишки рядком.
Крашенный ситец полощется
На весеннем ветру.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

*В западной части столицы был один
давно пришедший в запустение дом, в
котором жили оборотни. Но сегодня он
показался мне совсем другим...*

Весенний дождь.
Вот жильё человека — сквозь стены
Струится дымок...

* * *

В заросшем ряской пруду
С каждым днем вода прибывает.
Весенний дождь.

* * *

Весенний дождь —
И вчера целый день до ночи,
И сегодня с утра...

* * *

Под стрехой
Мешки с семенами мокнут.
Весенний дождь.

* * *

Весенний дождь.
В маленькой бухте малютки-ракушки
Промокли насквозь.

Стихи, возникшие во сне

Весенний дождь.
Печалюсь о тех, кто не может
Писать стихи.

* * *

Весенний дождь.
Куда-то бредут, болтая беспечно,
Зонтик с плащом.

* * *

В кукольных лавках*
Гаснут огни, вдруг неожиданно-негаданно —
Весенний дождь.

* * *

Под весенним дождем
Мокнет забытый на крыше
Тряпочный мячик.

* * *

Под весенним дождем
Невозмутимо несет свои воды
Большая река.

* * *

В Авасима*
Спешат босые паломницы
Под весенним дождем.

ДЫМКА

* * *

Заморский корабль,
Не причалив, вдали исчезает.
Весенняя дымка.

Глядя на луга...

В дымке луга.
Безмолвный струится ручей.
Вечерние сумерки.

МАРЕВО

Окраина

Марево.
Каких-то безвестных мошек
Белый полет.

* * *

Марево.
Люди сыпают любовно в корзины
Черную землю.

ТАЯНИЕ СНЕГА

* * *

Тает снег.
Милая белый носочек
Сушит над очагом.

ВЫЖИГАНИЕ ЛУГОВ

* * *

Дождь на заре.
Торчат на лугу обугленные
Метелки мисканта.

* * *

Вместе с травой
Сгорела ветка бадьяна
Перед Дзидзо.*

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ, ВЕСЕННИЕ РЕКИ

* * *

Весенние воды
Устремились вперед привольно
По плоской равнине.

* * *

Моста не найдя,
Так и встретили ночь в пути.
Весенние воды.

* * *

Весенние воды
На Четвертой, на Пятой линии*
Бурлят под мостами.

* * *

Замутились
Под слабыми ножками женскими
Весенние воды.

ВЕСЕННЕЕ МОРЕ

* * *

Весеннее море.
Катятся-катятся волны
День-деньской.

РИСОВЫЕ ПОЛЯ

* * *

Рисовые поля.
А там, на горе Курама,
Осыпаются вишни.

БУДДИЙСКИЕ ХРАМЫ

* * *

Женщины из Нанива
Зябнут в столичном храме.
День святого Хонэна.*

* * *

Поминальная служба.
Звон колокольный разносится
По ледяным ущельям.

ПОД РОДНЫМ КРОВОМ*

* * *

Под кровом родным
Сон недолгий — пока варятся
Бобы в котелке.*

* * *

На побывку домой!
Лишь мельком взгляну по пути
На гору Атаго*.

БУМАЖНЫЕ ЗМЕИ, КУКЛЫ*

* * *

Бумажный змей.
И вчера он в небе висел
На том же месте.

* * *

Из коробки на свет* —
Разве можно забыть их лица? —
Кукол явилась чета.

* * *

Кукольный домик.
Фонарики сбила, взмахнув рукавом,
Шалунья Инуки.*

ВЕСЕННЯЯ ВСПАШКА

* * *

Весенняя вспашка.
Пять коку* проса, а ведь глядит
Землевладельцем.

* * *

Весенняя вспашка
У самых вершин, куда даже птицы
Не залетают.

*Сочиняя с друзьями стихи
в хижине Басё* ...*

Весенняя вспашка.
Висело облачко над головой—
И вот его нет...

* * *

Весенняя вспашка.
До сих пор крыша дома видна вдали —
Никак не стемнеет.

* * *

Весенняя вспашка.
Перед глазами маячит все время
Вершина Мая́.

УБОРКА В САДАХ

* * *

Через ограду
Сосед окликает соседа.
Уборка в садах.

СОЛОВЕЙ

* * *

В старом саду
Пел соловей, не смолкая,
Дни напролет...*

Плетеная ограда

Соловей.

То там, то здесь его трели —
У бедных домишек.

* * *

Соловья не услышит

День-деньской пропадающий в поле
Землепашец.

* * *

Соловей

Звонко поет. У него за спиною —
Вершина Хиэй.

* * *

Соловей.

Семья за столом собралась.
Время обеда.

* * *

Соловей.

Оступился, верно, на ветке —
Первая трель.

* * *

Соловей
Поет, раскрывая прилежно
Маленький клюв.

ЛАСТОЧКИ

* * *

Пискнет вдруг ласточка.
Уж не змея ли? — просыпаются в доме.
Ночной переполох.

* * *

На картинку из Оцу,*
Пролетая мимо, ласточка
Уронила помет.

УЛЕТАЮЩИЕ ГУСИ

* * *

Улетели гуси —
Теперь на поля перед домом
И не взглянет никто.

* * *

Улетают гуси,
Затуманились лунные лики
В квадратах полей.

ЖАВОРОНКИ, ВОРОБЬИ

* * *

Вечерний жаворонок.
В небо латник глядит, руку в броне
Приставив к глазам.

* * *

Кружит над гнездом —
Сердечки полны отваги —
Чета воробьев.

ЛЯГУШКИ

* * *

В пышных чертогах
Лягушек далекий хор
Слушают ночью.*

* * *

На узорных листках полей
Свои рулады выводят
Лягушки.

* * *

Ночью — рассвет,
Днем — темноту ночную
Призывают лягушки.

* * *

Провожая глазами
Облако в небе, с лапки на лапку
Переступает лягушка.

* * *

Ударишь огнивом —
Отзовется старый колодец
Стоном лягушек.

* * *

Плавая,
Как же трогательно-беспомощны
Эти лягушки.

УЛИТКИ-ТАНИСИ

* * *

Все скорей, да скорей —
Так столицы и не увидел
Торговец таниси.

* * *

Слышишь?
Попискивают в бадье
Улитки-таниси.

БАБОЧКИ

* * *

Сон или явь?
Трепетанье зажатой в горсти
Бабочки...*

* * *

Воин в засаде.
На шлем тяжелый присела
Бабочка.

* * *

На колокол
Опустившись, заснула беспечно
Бабочка.

СЛИВЫ

* * *

Причалив на миг,
Купим соленой рыбы.
Сливы на берегу.

* * *

Красная слива.
Опавших цветов огоньки
В конском навозе.

Ранней весной

С белой сливы
Теперь для меня начинается
Каждое утро.

У травяной хижины

Две сливы в цвету —
Медлительность и торопливость
Равно отрадны.*

* * *

Сливы цветут
Там, здесь... На юг ли пойти?
Или на север?

* * *

Ветку сливы сорвал —
Нежный запах в каждой морщине
Дряблой руки.

* * *

Белая слива.
Чью далекую юность ты видела
Из-за этой ограды?

* * *

Слива цветет.
Пояса выбирают красотки
В лавчонках Муру.*

* * *

Как же долго
Не зажигают огня в домах
Под цветущими сливами.

* * *

Летучая мышь
Мимо скользнула в испуге.
Над сливой — луна.

* * *

Слив аромат
Поднимается к небу. Видите? —
Нимб у луны.

* * *

Падают в воду
Цветы — и будто их не бывало —
Слива на берегу.

* * *

Прямо в поле
Циновку свою расстелив,
Любуюсь сливами.

* * *

Слив аромат...
Как же рано смеркается
У подножья горы.

ИВЫ

* * *

Осыпались сливы —
И ивы зеленые словно
Приуныли на миг.

* * *

Из зелени ив
Вечерний сумрак рождается.
Тропка в полях.

ПЕРСИКИ, ГРУШИ

* * *

Громко собаки
На захожего лают торговца.
Персики расцвели.

* * *

Персики
Осыпались разом, как только из мира
Ушел Нинко*.

* * *

Цветущая груша.
Читает письмо женщина
При свете луны.

КАМЕЛИИ

* * *

В старый колодец
Роняет цветы камелия —
Всплески во мраке.

* * *

Камелия
Уронила цветок, и на землю пролился
Вчерашний дождь.

* * *

Тра-та-та! —
Пробарабанил случайный град
По листьям камелий.

ВИШНИ

На тему — «цветы вишни»...

Как ароматны
Вишни — поймешь, когда в Сага*
Погаснут огни.

* * *

К вишням цветущим
Прийти, средь цветов задремать —
Праздности миг.

* * *

Дорога в Нара.
Посреди зеленых полей —
Одинокая вишня.

*Когда цветы в столице начинают
опадать — словно с картин Косина
осыпаются краски...*

С Матабэем
Встретимся мы в Омуро,
В пору цветенья.*

В день, когда мы покидали Ёсино, дул
ветер и лил сильный дождь. По склонам
разметались цветы — предвещая конец
весне...*

Пьют облака,
Лепестками плюются
Горы Ёсино.

«Тени цветов на перилах», «тень горы
входит в ворота»* — все это сочинили
поэты из страны Морокосу*, я же пере-
ложу это в одно. В нашей Стране Под
Солнцем на Мосту Переправляющейся
Луны — Тогэцукэ это будет звучать так...*

Лунный свет
На запад стремится, а тени цветов
Сдвинулись на восток.

Вместе с Кётаем любовался цветами
в Фусими и в Сага...*

Из рощи персиков
Вечером выйдя, встречаю рассвет
С вишнями Сага.

* * *

От тоски
Украсилась, верно, цветами
Горная вишня.

* * *

Дорожный мешок —
Тяжелехонек, а тут еще вишни
Подсыпали лепестков.

* * *

Облетели цветы,
Оказалось — в зеленой роще
Стоит наш храм.

ГЛИЦИНИИ

* * *

Так далеко
Вроде бы эти глицинии,
Но цвет, аромат...

ЦВЕТЫ СУРЕПКИ

Весенний пейзаж

Поле сурепки.
Луна над восточной вершиной,
Над западной — солнце*.

* * *

Поле сурепки.
Киты не подходят к берегу,
Сумрак окутал море.

* * *

Поле сурепки.
Рядом в море плещутся волны
День-деньской.

ВЕСЕННИЕ ТРАВЫ

* * *

Вот и конец —
Затерялась, пропала тропка
В омежнике.

КОРОТКИЕ НОЧИ

Путешествуя по Сага...

Как ночь коротка!
На свет вытекает из мрака
Река Оигава.

* * *

Как ночь коротка!
На шубке гусеницы росинок
Драгоценные капли.

Выпала тема «старая собака»...

Короткую ночь
Сторожит, не смыкая глаз,
Окинамару.*

* * *

Как ночь коротка!
Тлеет у кромки волн
Брошенный факел.

* * *

Как ночь коротка!
Открываются снова лавки
Столичных предместий.

* * *

Как ночь коротка!
Закрытые двери в Фусими, а в Ёдо
Открытые окна*.

* * *

Как ночь коротка!
На рассвете цветок хурмы
Зачерпну из колодца.

* * *

Как ночь коротка!
Простучал мимолетный ливень
По краю крыши.

*Всю ночь пировали в прибрежной
беседке в Самбонги...*

Снова рассвет.
Ночную тень сберегла для нас
Гора Хигаси.

ЖАРА

* * *

В лодке, севшей на мель,
Спать, дожидаясь рассвета, —
Какая жара!

* * *

У порога прилягу.
Дети, жена — не до них
В такую жару.

* * *

От больного
Докучливых мух отгоняю.
Ну и жара...

* * *

Поля да поля...
И домик — один-одинешенек.
Ну и жара!

* * *

Крестьянин
Всю жизнь свою — в поле.
Какая жара!

ПРОХЛАДА

* * *

Повеяло свежестью —
Река течет по столице
Сверху вниз*.

* * *

Свежее утро!
Плывет колокольный звон, оставив
Колокол позади.

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ, ЛЕТНИЕ ЛИВНИ

* * *

Листья кувшинок —
Вот-вот и они утонут.
Летние ливни.

* * *

Летний ливень.
Не сразу найдешь среди луж
Узкую тропку.

* * *

Летние ливни.
Надежной защитой стал в эти дни
Ров крепостной.

* * *

Летние ливни.
Над бурной рекой два домика
Жмутся друг к другу.

* * *

Летние ливни.
На каждый квадратик поля
Спустилась тьма*.

* * *

Летние ливни.
Не до сна теперь бедным домишкам
В пойме Мидзу.

ГРОЗЫ

* * *

Налетела гроза.
За траву, за листья цепляются
Воробьи.

ЛЕТНЯЯ ЛУНА

* * *

Военный корабль
На отмели отдаленной
Под летней луной.

* * *

В ночи голоса —
Воду в поля проводят
Под летней луной*.

* * *

Каппа*
Крутит любовь в гостинице
Под летней луной.

АРОМАТНЫЙ ВЕТЕРОК

Миядзима

Душистый ветерок
Не дает мне зажечь свечу.
Храм Ицукусима.

ОБЛАЧНАЯ ГРЯДА

В пути

Двадцатый уж день
В пути, за спиною все круче
Гряда облаков.

* * *

По бескрайнему полю
Шагаю, а мне навстречу —
Гряда облаков.

ЛЕТНИЕ ГОРЫ, РАВНИНЫ, РЕКИ

* * *

Летние горы.
Пересекает небо столицы
Одинокая цапля.

* * *

Спустив сундучок,
Монах удивился — трясется земля!
Летнее поле.

* * *

Иду и иду,
А сколько еще идти, да идти
По летним полям.

В месте, которое зовется Тамба-но кая...

Через летний ручей
Брести -- как же весело, право, —
С сандалиями в руке.

КЛЮЧИ, ИСТОЧНИКИ

* * *

Каменотес
Раскаленный резец охлаждает
В роднике.

* * *

Падая вниз,
Текут, сливаясь в безмолвный поток,
Звонкие ключи.

* * *

Двое разом
Зачерпнут, и на миг замутится
Чистый родник.

ЗЕЛЕННЫЕ ПОЛЯ

* * *

Далекие горы
Такими кажутся маленькими
С зеленых полей.

СМЕНА ОДЕЖД

* * *

День смены одежд*
Чьи-то фигуры в полях
Смутно белеют.

* * *

День смены одежд.
Никто теперь и не вспомнит
О давнем недуге.

* * *

Во всех подряд
Влюбляешься мимолетно —
День смены одежд.

* * *

Девушки из Охара
Стайкой спешат куда-то
В легких авасэ*.

* * *

Надеваю авасэ —
Отдаваться течению жизни
Легко и отрадно.

Одна старая женщина прислала мне в подарок старое платье, из которого вынули вату...

Аромат померанца...
Возможно когда-то и это платье
Благоухало...*

КАРПЫ*

* * *

За деревьями
Усадьбы не видно, но в небе
Плавает карп.

КУРЕНИЯ ОТ МОСКИТОВ, МОСКИТНЫЕ СЕТКИ

* * *

Вот себялюбцы!
Гонят соседи москитов
Один другому.

* * *

Случайное пламя
Два смущенных лица озарило.
Гонят москитов.

* * *

Сквозь ограду
Уползти пытаются жабы —
Гонят москитов.

* * *

Детское личико
Сквозь москитную сетку белеет,
Радуя взор.

* * *

Под москитную сетку
Святлячков запустив, тихонько лежу —
Как хорошо!

*Все собрались в монашеских кельях на горе
Хизй, я же был болен и не смог быть среди
паломников...*

Москитную сетку
Повешу — и вот вам зеленые горы
Прямо в доме*.

ВЕЕРА

* * *

Делать нечего —
Шляпы нет, так хоть веером
Прикрою макушку.

* * *

Зовут паромщика —
В траве на том берегу
Трепещет веер.

*Вытала тема «посредством веера
изобразить война»...*

В жаркий день
В грозный меч превращается
Веер в руке.

* * *

Век бы смотрел!
В руке у любимой веер —
Белый-пребелый.

* * *

Неведомо чей
Веер схватив, обмахиваешься —
Веселая пирушка.

* * *

Чем бы руки занять?
Веер возьму и раскрашу его
Соками трав.

* * *

Вдова.
Печально-сумрачный взгляд
Из-за веера.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, БАКЛАНЫ

* * *

Вот и рассвет.
Резвятся — не достались бакланам —
Рыбешки на мелководье.

КОЛОСЬЯ, ПОЛЯ ЗЛАКОВ

* * *

Бродячие актеры.
Прямо среди колосьев
Стоят зеркала.

* * *

Лисьи огни.*
Над полями пшеницы в Госукэ
Сеется дождь.

Навестил Гаина в Сага...*

Ветер с полей —
Шелестят чуть слышно колосья
У изголовья.

* * *

Сжата пшеница,
Ждут — пора и тыкве зацвести —
В бедных домишках.

* * *

Скорее бы жатва —
Далекие горы снова
Увижу в окне.

СУСИ*

* * *

Каждый занят своим —
В нашем доме готовят суси,
У соседей — вино.

* * *

Готовят суси.
Проходя, написал стихи
На каменном гнёте*.

КУКУШКА

* * *

Кукушку
Все ждут, но столичное небо
Пусто. Пустые надежды.

* * *

Слух уж не тот
У отца моего, монаха:
Крика кукушки и то...

* * *

Крик кукушки
Пересекает небо над дворцами Хэйан*
Наискосок.

* * *

Не до песен,
Ночь любви позади, вот-вот рассветет —
А тут — кукушка...

* * *

Служанка.
Нашла же время чихать! —
Кукует кукушка.

* * *

«Кхе-кхе» —
Кашляет старый монах.
Кукует кукушка.

СЕРЫЕ ЦАПЛИ

* * *

Вечерний ветер.
Серых цапель бьют но ногам
Речные волны.

УЛИТКИ

* * *

Тихонько сидят
В домиках — вдруг снова дождь? —
Недоверчивые улитки.

СВЕТЛЯЧКИ

* * *

Лодка на Ёдо.
Даже брызги с шеста разлетаются
Светлячками.

КОМАРЫ

* * *

Старый колодец.
За комарами охотятся рыбы —
Темные всплески.

* * *

Писк комариный
Снова и снова — стоит упасть
С жимолости цветку.

* * *

Светлый день
Не по душе комарам — прячутся
В темной бутылки.

ЦИКАДЫ

* * *

Звонят цикады.
Мимо бредет монах.
Полуденный час.

Временное пристанище

Полдня покоя*
Обрел наконец. В кроне эноки
Звенят цикады.

* * *

Крылья цикад
Выворачивает наизнанку
Ветер с горы Хиэй.

МОЛОДАЯ ЛИСТВА

* * *

Гора Асама.*
Дымок по склонам, в прогалах --
Молодая листва.

* * *

И там и здесь --
В шум водопада вслушивается
Молодая листва.

* * *

Сквозь ночь пробежав,
Парус зарю встречает.
Молодая листва.

* * *

Мелкий ручей.
И справа и слева — всюду
Молодая листва.

* * *

Вдоль линии гор
Скользит неслышно лодочка
Под молодой листвой.

* * *

Фудзи одна
Осталась непогребенной
Под молодой листвой.

* * *

На вершине —
Замок — такой надежный
Средь молодой листвы.

* * *

Молодая листва.
Потоки кипенно-белые.
Золото злаков.

* * *

Чайный домик в горах.
Муж степенный присел подкрепиться.
Молодая листва.

ЛИСТЬЯ ВИШНИ

* * *

Облетели цветы,
Вишни в листве.
Потянуло на шашки жителя Нара.

МОЛОДЫЕ КЛЕНЫ

* * *

Храм Миидэра.
Солнце почти в зените.
Зеленые клены.

* * *

Слышно, как рядом
Старый монах чихает.
Зеленые клены.

ЛЕТНИЕ РОЩИ, ТЬМА ПОД ДЕРЕВЬЯМИ

* * *

Откуда
Упал сюда этот камень?
Летняя роща...

* * *

В деревушку,
Пропахшую рыбой, пришел
Из летней рощи.

* * *

Почтенный гадалщик —
Из тьмы под густыми кронами
Впросительный взгляд.

РОСТКИ БАМБУКА, МОЛОДОЙ БАМБУК

* * *

Ростки бамбука.
Племянник-монах в кои-то веки
Зашел в монастырь.

* * *

Молодой бамбук.
Вечернее солнце над Сага
Простирает лучи.

* * *

Молодой бамбук.
Веселые женщины из Хасимото
Живы иль нет?*

ПИОНЫ

* * *

Сорвал пион —
И стою, как потерянный.
Вечерний час.

* * *

Муравей
Четко вычерчен черным
На белом пионе.

* * *

За сотни ри
Дождевые тучи обходят
Пионы в цвету.

* * *

Сами собой
Стихи срываются с губ —
Цветут пионы.

* * *

Муравьи проложили
Тропку — туда и обратно —
Цветут пионы.

* * *

Осыпался.
Но в сердце будет цвести всегда
Этот пион.

* * *

Пионы цветут.
Заполнили сад, прихватив
Даже кусочек неба!

* * *

Иссяк ненадолго
Поток гостей. В тишине
Цветут пионы.

ИРИСЫ

* * *

Ирисы.
На лист откуда-то плюхнулся вдруг
Помет коршуна.

ЦВЕТЫ УНОХАНА

* * *

Цветы унохана
По широким листьям рассыпались
Белыми брызгами.

* * *

Унохана
Сегодня цветет в тишине —
Дети больны.

ШИПОВНИК

*Поднявшись на восточный пригорок...**

Шиповник в цвету —
Как будто бреду по тропинкам
Родного края.

* * *

Брел без дорог,
Вдруг аромат, а вот и он сам —
Цветущий шиповник.

* * *

С печалью в душе
Поднялся на холм, а там —
Шиповник в цвету.

ДЕРЕВО СИИ

Выражая свои думы...

Дерево сии
Тоже цветет, но никто не похвалит
Его аромат.

МАК

* * *

Нежные маки!
Право, не стоит делать из них
Ограду в саду.

ЛОТОСЫ

* * *

Табачный пепел
Дымится на плавающем листе.
Цветут лотосы.

* * *

Дверь распахнув,
Смотрит в сад сквозь москитную сетку
Хозяин лотосов.

ЦВЕТЫ ТЫКВЫ, ТЫКВЫ

* * *

В грозу
Сгорел домишко, на пепелище
Тыква цветет.

* * *

Как же болтлива
Женщина, мне подарившая
Первую тыкву!

* * *

Средь зреющих тыкв
В сторожке сидит, созерцая луну,
Старый отшельник.

*Когда ко мне в дверь постучал Гою из
Митиноку...*

Под листьями
Пойди поищи изголовье себе,
На тыквенной грядке.

*Впервые встретились с монахом
Сэйханом, а беседовали как старые
приятели...*

В бочке с водой
Согласно кивают друг другу
Тыква и баклажан.

ЗЕЛЕННЫЕ СЛИВЫ

* * *

Зеленые сливы.
Сквозь легкий дождик струится
Дымок очага.

* * *

На зеленые сливы
Глядя, морщит прелестные бровки
Красотка.

НАЧАЛО ОСЕНИ,
ПЕРВОЕ ОСЕННЕЕ УТРО

* * *

Осень пришла.
Догадаться об этом нетрудно:
То один чихнет, то другой*.

* * *

Начало осени.
Вдалеке огоньки жилья
Сияют в ночи.

* * *

Теплый источник.
Четко вижу на дне свои ноги —
Осеннее утро.

ПРОНИЗЫВАЯ ДО КОСТЕЙ

* * *

До костей
Пронизывает холод осенний —
Стирка в Ёкава.

* * *

Пронзило вдруг холодом:
В спальню войдя, наступил на гребень
Покойной жены.

ХОЛОДНЫЕ НОЧИ, ОСЕННИЙ ХОЛОД

* * *

Тоньше, тоньше
Серпик луны, скоро и он исчезнет.
Холодные ночи.

* * *

Взяв свечу,
Достаю получше футон.
Холодные ночи.

* * *

Еще не ложился,
Но если окликнут, скажу: «уже лег!» —
Холодные ночи.

* * *

За стеной у соседей
Все никак не угомонятся —
Холодная ночь.

* * *

Кузнечик
На печном крюке примостился.
Холодная ночь.

* * *

Свесив нос над столом,
Сам с собою в шашки играю.
Холодная ночь.

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

Сожалея о старости...

В прошлом году
Такими унылыми не были
Осенние сумерки.

* * *

Стоит бекас,
Глядя куда-то в сторону.
Осенние сумерки*.

* * *

Шагну за ворота —
В мире одним скитальцем больше —
Осенние сумерки.

* * *

Одинокий бродяга.
Посох, и тот сумел позабыть.
Осенние сумерки.

* * *

Один гость,
И хозяин тоже один.
Осенние сумерки.

ОСЕННИЕ НОЧИ

* * *

Осенней ночью
Читает старинные тексты
Монах из Нара.

* * *

Что там за крик?
Гонят бродягу из-под стрехи --
Осенняя полночь.

Выпала тема «тихие огни»...

Там люди живут —
Далеко в осенней ночи
Отблеск огней.

ДЛИННЫЕ НОЧИ

* * *

На ветках фазаны
Переступают с лапки на лапку.
Как же ночи длинны* ...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ, ГРУСТИТЬ ОБ УХОДЯЩЕЙ ОСЕНИ

* * *

Ничтожный должок,
И с тем не отстанут никак.
Поздняя осень.

* * *

Куда-то ушел,
Следов не оставив, учитель.
Поздняя осень.

* * *

В дверь моей хижины
Барсук постучится, вместе
Об осени погрустим.

ЛУНА

*В ночь осеннего полнолуния и мне не к кому
было идти, и ко мне никто не пришел...*

В одиночестве
Как никогда оценишь
Дружбу с луной.

* * *

Светит луна
Прямо в макушку. По бедным кварталам
Шагаю неспешно.

Водопад Тонасэ

Нитку воды
Прямо с луны перекинул
В реку Кацура.

* * *

Полнолуние.
Бегут светлые блики
По озеру Сува.

* * *

Полнолуние.
В чайном домике на вершине
Нет ни души.

*Подумав о том, как когда-то молились
о дожде...*

Полнолуние.
Пляшут рыбы в пруду
Сада Синсэн*.

* * *

Лихой атаман —
И тот стихи сочиняет сегодня.
Лунная ночь.

РОСА

* * *

Белые росы.
У шиповника по росинке
На каждом шипе.

* * *

Полнолуние.
Все от росы промокло, кроме
Самой росы...

* * *

Охотничий домик.
От обильной росы тяжелеют
Колчаны в углу.

* * *

Торговцы
Ведут разговор неспешный
Среди росы.

* * *

Путник с огнивом.
Рассыпаются мелкие искры
По осенней росе.

* * *

В прах обращусь...
А пока каждое утро
Любуюсь росой.

ТУМАНЫ

* * *

Утренний туман.
Где-то там деревенька —
Шум базара.

* * *

Утренний туман.
Слышно — вдали забивают свай:
Тук-тук-тук.

* * *

В густом тумане
Тонут просторы полей.
Стою у развилки.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

* * *

Осенний ветер
Связками вяленой рыбы играет.
Хижины на берегу.

* * *

Амулета над дверью
Коснувшись, прочь улетает
Осенний ветер.

* * *

Кукуруза
Испуганно листьями плещет
На осеннем ветру.

УРАГАН

* * *

У ворот
Старушка разжиться спешит дровами.
Ураган позади.

* * *

Буря промчалась.
И снова свет из окон струится
На деревенской окраине.

* * *

Бочку без дна
Подхватив, покати́л куда-то
Ураган.

* * *

У лодочника
Шест вырвал из рук внезапно
Неистовый ветер.

МОЛНИЯ

* * *

Молния.
Слышно — по листьям бамбука
Скатилась роса.

* * *

Молния —
Волны стеною вокруг островов
Акицусима*.

ПЕРВЫЙ ПРИЛИВ

* * *

Первый прилив.
Взлетают волною подхваченные
Мальки.

* * *

Первый прилив —
Волны у самого изголовья.
Домик на берегу.

СПУСКАЮТ ВОДУ*, ОСЕННИЕ ВОДЫ

* * *

Деревеньки
Спят безмятежно -- в полях
Спускают воду.

* * *

След от ступни —
На дне притаилась рыбешка.
Спускают воду.

* * *

Воду спустили —
И на ивы больше никто
Не хочет смотреть.

* * *

Был бурный поток,
А теперь — две жалкие струйки.
Осенние воды.

ТАНАБАТА*

Танабата

Листик шелковицы*.
Для «Книги стихов» не нашел
Лучшей закладки.

* * *

Мечта о любви*
У каждой своя, и нити под стать —
Белые, разные...

ПРАЗДНИК ПОМИНОВЕНИЯ ДУШ*

* * *

Фонарь в саду*.
Сколько раз он готов был погаснуть,
Сколько же раз...

*В осенний вечер у тихого окна, загибая
пальцы, пересчитываю друзей своих,
которых нет больше в мире...*

Третий уже
Зажигаю фонарь, отдавая его
На волю росы.

ТАНЕЦ БОН*

* * *

Внезапно
Залают собаки — вдоль улицы
Двигается танец Бон.

*К картине Ханабуса Иттё *...*

В лунном свете
Неутомимая горстка танцоров —
Танец Бон.

* * *

Слух больного
Жадно ловит звуки с улицы.
Танец Бон.

СУМО

* * *

Вечерние росы.
В Фусими сумо отшумело, и люди
Разбрелись по домам.

ФЕЙЕРВЕРК

* * *

Готовят ужин.
Как далека от огней фейерверка
Лодка на якоре.

* * *

Огни фейерверка.
Деревушка в сотню домов,
Будто огромный порт.

ПУГАЛО

Унрибо, собравшись на Цукуси, предложил мне сопровождать его, я же, не имея возможности оставить дом...

Осенний ветер.
Разве сдвинет он с места
Старое пугало?

* * *

Спустили воду.
До чего же длинные ноги
У этого пугала!

ТРЕЩОТКИ

* * *

Поле приятеля.
Проходя, всякий раз непременно
Дерну трещотку.

* * *

Поздняя осень.
В поле нет ни души,
Трещотка да я.

НОВЫЙ РИС, НОВОЕ САКЭ

* * *

Оницура*
Спешит насладиться новым сакэ,
И что ему бедность?

* * *

Опрокинуть чашку
Каждый спешит. Угощаю бесплатно
Новым сакэ.

СТУК ВАЛЬКОВ*

* * *

«Подлый изменщик,
Вот тебе, вот тебе!» — что было мочи
Колотит вальком.

* * *

Стук да стук,
Стук да стук — повсюду
Стучат вальки.

* * *

Грустно!
Послушать бы стук валька?..
Ах, нет, довольно.

ОЛЕНИ

* * *

Зябко оленю.
Только и есть, что сухие
Ветки рогов.

* * *

Вот уж не время —
Что там за гость стучится? В горах
Крики оленей.

ГУСИ

* * *

И на землю Ки
Не спустившись, летит сквозь ночь
Гусь одинокий.

* * *

Вереницей гусей —
Строка, а ниже печать —
Луна над горой.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

* * *

Мелкие пташки
Прилетели — вот радость! Лапки
По ставням стучат.

* * *

Перелетные птицы
Ткут на облачном стане
Узорную парчу.

* * *

Перелетные птицы!
Вейте здесь себе гнезда,
В храмовой роще.

БЕКАСЫ

* * *

Взлетели бекасы,
И таким показалось низким
Осеннее небо.

ХИЁДОРИ, ПЕРЕПЕЛА

* * *

Хиёдори
Вспорхнули и нет их. Лишь горстка
Красных ягод.

* * *

Перепелиное поле.
Мелькнет вдруг в траве сундучок монаха,
Мелькнет и исчезнет.

СУДАК

* * *

Поймал судака,
И глаза отвожу: на волнах
Лишь блики луны...

СТРЕКОЗЫ

* * *

Солнце заходит.
В караульне на кончике пики
Замерла стрекоза.

* * *

Стрекоза
Совсем, как когда-то в детстве —
На белой стене.

СВЕРЧКИ

* * *

Как же громко
Зазвенели сверчки, когда лопнули струны
У цитры Сянчжу*.

ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА ГИНГКО

* * *

Дворик при храме.
Как далеки мои детские годы!
Листья гингко...

* * *

По листьям гингко
Ступая степенно, бредет в свою келью
Юный послушник.

АЛЫЕ КЛЕНЫ

* * *

Алой листвы
Пятно впереди, не иначе
Какой-то храм*.

* * *

Сумерки,
Горы окутав, похитили блеск
У алых кленов*.

* * *

Отсюда, оттуда —
Отовсюду они хороши,
Алые клены.

* * *

Любуемся кленами.
Как же кстати здесь оказалась
Пара зонтов!

* * *

В русле сухом —
И там протоптали тропинку.
Сверканье листвы.

* * *

Сжег в очаге —
И дымок удержать пытаюсь.
Алые клены.

ХРИЗАНТЕМЫ

К картине, на которой изображена хризантема, прикрытая старой шляпой...

Белая хризантема —
Или снег с вершины Ушань*? —
Под старой шляпой.

Наведаясь к другу, живущему в горах, чтобы полюбоваться его хризантемами. Хозяин протянул мне листок бумаги и тушечницу и попросил написать стихотворение...

Росу с хризантем
Впивая, в ней черпает силы
Тушечница*.

* * *

Зажгли свечу —
И разом утратили яркость
Желтые хризантемы.

* * *

Сотня домов
В деревне, и не единого
Без хризантем.

* * *

Хрустнув, сломались —
Два стебля сжимаю в руке.
Желтые хризантемы.

КУСТЫ ХАГИ*

* * *

В домике на холме
Ткут узорчатые циновки.
Или хаги цветут?

* * *

Одинокий скиталец,
Под ногами капли дождя
На ветках хаги.

ОМИНАЭСИ*

* * *

Потянулся сорвать —
И ладонь полна лепестков.
Оминаэси.

* * *

Оминаэси.
Право же, листья под стать цветам,
Да и листьям — цветы.

ОРХИДЕИ, ВЬЮНКИ

* * *

Вечерняя орхидея —
Ароматом прикрывшись,
Белеет цветок.

* * *

Вьюнок.
На синий край полотенца
С укоризной гляжу.

ПЕТУШИНЫЕ ГРЕБНИ, ДИКИЕ ХРИЗАНТЕМЫ

* * *

Осенний ветер
Пронесся, и в поле остались одни
Петушины гребни.

* * *

Как мила —
Жметя к корню астры-сион
Дикая хризантема.

* * *

Уж не лисенок ли
Там в траве притаился?
Дикая хризантема.

МИСКАНТ

* * *

Стемнело в горах.
А в предгорье в неясных сумерках —
Метелки мисканта.

* * *

Стареет шиповник.
Мискант исхудал, а от хаги
Осталась лишь тень.

ОПАВШИЕ КОЛОСЬЯ

* * *

Колоски подбирая,
Уходит все дальше в даль,
Залитую солнцем.

ТЫКВА-ГОРЛЯНКА

* * *

Тыква-горлянка.
Глазки, носик пририсовал ей
Случайный прохожий.

*Не лучше ли умереть, пока тебе не
исполнилось сорока?..*

Беспечный цветок
Знать не знает такого позора.
Перезрелая тыква...

* * *

Листья, лоза
На тебя и глядеть не желают,
Перезрелая тыква.

ПЕРЕЦ

* * *

Стих ураган.
Красные — как хороши —
Перца стручки.

«ЛУНА БЕЗ БОГОВ»*,
НАЧАЛО ЗИМЫ

* * *

Мунэто
Показать бы эти нарциссы...*
«Луна без богов».

* * *

Начало зимы.
Вдруг скользнул по столичным окраинам
Солнечный луч.

ХОЛОДА

* * *

Холодно в храме.
Мышка где-то в углу грызет
Ветку бадьяна*.

* * *

По реке Ишуй*
Лука пучок куда-то плывет.
Холода!

* * *

Сосед мне назло
За стеной громыкает кастрюлями.
Холодная ночь.

* * *

Через залив
Плыву. Нигде не единой птицы!
Холода!

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

* * *

Визжит пила —
Отчаянный вопль нищеты!
Зимняя полночь.

МЕСЯЦ «СИВАСУ»*

* * *

Торговцев углем
Настигают так рано сумерки.
Месяц «сивасу».

ЗИМНЯЯ ЛУНА, ХОЛОДНАЯ ЛУНА

* * *

Под холодной луной
Голая роща — и вдруг бамбук,
Три зеленых ствола.

* * *

Холодная луна.
Под подошвами башмаков
Мелкая галька.

МЕЛКИЙ ДОЖДЬ

* * *

Любовная тоска
Отлегла было от старого сердца,
А тут этот дождь...

* * *

Камфарное дерево.
На корни лениво сеется
Холодный дождь.

* * *

Старых зонтов
Тени дрожащие в лунных бликах.
Холодный дождь.

* * *

Вечерний дождь.
Стонут жабы где-то вдали.
Какая тоска!

* * *

На далекой вершине
Последний солнечный луч.
Холодный дождь.

* * *

Оборотнем глядит
Зонтик, одолженный в храме.
Холодный дождь.

СНЕГ

* * *

Первый снежок
Вытрясла тучка. Над бамбуковой рощей
Засияла луна.

* * *

С закоптелой кастрюлей
Хозяйка бредет, утопая в снегу.
Малый мост Ёдо.

* * *

Не для чужих
Светятся окна. Под снегом
Домишки рядком.

* * *

Приютите скитальца --
В него свои острые стрелы
Мечет метель.

* * *

Снежный край.
Пищи довольно припасено
В каждой лачуге.

* * *

Слышно, как где-то
От снега ломаются ветки.
Поздняя ночь.

* * *

Снежное утро.
Над высокой крышей дымок.
Светлая радость!

ГРАД, МОКРЫЙ СНЕГ

* * *

Разом
Кончились стрелы в колчане.
Внезапный град.

* * *

В старом пруду
Рванный башмак торчит из воды.
Мокрый снег.

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

* * *

Холодный ветер.
Пять домишек жмутся друг к другу --
Чем только живы...

* * *

Холодный ветер.
Вдруг споткнется, бредя домой
Усталая лошадь.

* * *

Холодный ветер.
В полях только одно и есть —
Мелкая галька.

* * *

Холодный ветер.
Разрезает дикие скалы
Рев потока.

* * *

Холодный ветер
В колокол бросил горстку
Мелкой гальки.

* * *

Холодный ветер.
Перехожу, по камням ступая,
Через ручей.

* * *

Холодный ветер
С тяжким стоном рождается
На просторах полей.

ИНЕЙ

* * *

Одеяла
На старых костях коснулся
Холодный иней.

ЛЕД

* * *

Горный ручей
Все тоньше, тоньше и вот --
Ледок меж камней.

* * *

Плошка,
В которой моет кисти Окё*,
Подернулась льдом.

ЗИМНИЕ РЕКИ

* * *

На зимней реке
Лодка, и женщина в ней —
Моет овощи.

* * *

Зимняя речка.
Кто разбросал по берегу
Красную репу?

ВЫСОХШИЕ ПОЛЯ

* * *

Почтенный монах
Изволит справлять нужду посреди
Голого поля.

* * *

За кобыльим хвостом
Колючая тянется ветка.
Голое поле.

* * *

Уныло
Опускается солнце за камни.
Голое поле.

* * *

На камне
Стихи написал, проходя
По голому полю*.

* * *

Яркие-яркие
Пятна солнца на камне.
Голое поле.

* * *

Не смерклось еще,
Но звезды уже сияют
Над голым полем.

* * *

По горной тропинке
Друг ушел, одинокий бреду назад
По голым полям.

ДЕСЯТЬ НОЧЕЙ*

* * *

Благолепие!
Чай и тот булькает: «дабу-дабу».*
Десять ночей.

ВОЗЖИГАНИЕ ОГНЯ*

Выпала тема «возжигание огня»...

Возжигают огонь.
На столичных улицах всюду
Искрится иней.

* * *

Возжигают огонь.
Даже собаки шныряют вокруг
С озабоченным видом.

ЗИМНЯЯ СПЯЧКА

* * *

Слышно -- за дверью
Ворочается во сне собака.
Зимняя спячка.

* * *

Отдавшись дремоте,
От себя самого спрячусь на миг.
Зимняя спячка.

* * *

Вдруг из-за двери
Голоса случайных гостей.
Зимняя спячка.

* * *

Зимняя спячка.
Даже от Будды теперь далеки
Мысли мои.

* * *

Зимняя спячка.
В прятки с женой и с дочкой
Решил поиграть.

* * *

Как же узка
К Персиковому источнику* тропка!
Зимняя спячка.

* * *

Для кастрюли
Томик Сайгё* послужит подставкой.
Зимняя спячка.

ОЧАГ, ЖАРОВНЯ

* * *

Сколько же раз
Могла ты за эти годы разбиться,
Старая жаровня.

*Несколько дней проведя в провинции Сану-
ки в местечке Такамацу, радовался добро-
желательному и теплomu отношению хо-
зяев-супругов, но сегодня, увы, пришлось
уходить из этого дома...*

Теплый очаг.
Прочь шагну, и вот под ногами
Холодный ручей.

* * *

Снова дома.
Хорошо посидеть вдвоем
У теплой жаровни.

* * *

Покрыты угли
Золой, а домик надежно
Укутан снегом.

УГОЛЬ

* * *

Угольщик.

У него перед носом зеркальцем вертят
Шалуни-служанки.

КАПЮШОНЫ, НОСКИ-ТАБИ, БУМАЖНОЕ ПЛАТЬЕ*

* * *

Детишки —

Капюшоны до самых бровей ---
Такие милые!

* * *

Таби не сняв,

Спать ложусь и вижу всю ночь
Беспокойные сны.

* * *

Риса комок
Размяв, на платье бумажном
Залепляю прореху.

ФУТОН*

* * *

То на голову,
То на ноги натянешь его —
Старый футон.

СУП ИЗ ФУГУ*

* * *

Суп из фугу
Вечером съел, но жив до сих пор —
Приятное пробуждение.

ВОДЯНЫЕ ПТИЦЫ

* * *

Водяные птицы.
А где-то вдали огоньки —
Западный город.

ЧАЙКИ

* * *

Чайки
Мочат лапки в пене морской,
Играя у волн.

* * *

Хмурые тучи.
Под луною всю ночь напролет
Чайки кричат.

ИВОЛГА

* * *

Иволга.
Не так ли пела когда-то она
У дома Ван Вэя*?

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

* * *

В ожидании гостя.
Где-то чуть слышный шорох шагов
По опавшей листве.

* * *

Хризантемы поблекли.
Падают редкие капли дождя
На опавшие листья.

ЗИМНИЕ СЛИВЫ

* * *

Зимняя слива.
Корявые пальцы к ветке
Тянет старик.

* * *

Зимняя слива.
Искра от кремня вдруг выхватит
Пару цветков.

ЗИМНЯЯ РОЩА

* * *

Уточки-мандаринки.
Им одним и достались все краски.
Зимняя роща.

* * *

Вонзил топор
И ахнул — какой аромат!
Зимняя роща.

Пришедшее во сне...

Зимняя роща.
Луна. Стою, церемонные «ах»
Совсем позабыв.

* * *

В голубятню
Первый утренний луч проник.
Зимняя роща.

НАРЦИССЫ, ЗАМЕРЗШИЕ ХРИЗАНТЕМЫ

Старый холм

Не лисы ли
Там в нарциссах резвятся?
Лунная ночь.

* * *

Нарциссы
Расцвели в холодной столице
И там и тут.

СУХОЙ МИСКАНТ,
СУХИЕ ТРАВЫ

* * *

Лисьи огни
То и дело мелькают в сухих
Метелках мисканта.

На могиле Басё в храме Комтукудзи...

Я тоже умру.
Зашелестят над могилой сухие
Метелки мисканта.

* * *

По высохшим травам
Лис-сороход промчался куда-то
Легко-легко.

Расставшись со старым другом...

По дорогам Кисо
Побреду, с каждым шагом старея,
С осенью наедине.

*Думая о скончавшемся Итику *...*

В раю Кёрай.
И у Итику срок истек. Которую осень
Встречаю один?

* * *

Осень в душе.
Но ведь и об этом вечере завтра
С сожаленьем вздохну*.

ПРОЗА
ХАЙБУН

俳
文
編

СУТРА НА ЛИСТЬЯХ

В одном из храмов провинции Симоса, Гукё-дзи, есть сутра, которую переписал барсук, употребив вместо бумаги сорванные с дерева листья. Ее называют Барсучьей сутрой, и числится она среди самых редкостных реликвий школы нэмбуцу*. Так вот, однажды вечером мы собрались в беседке У Тихого Источника — Кансэнтэй, намереваясь тысячу тысяч раз вознести молитву Амиде, а как у старого монаха, исполнявшего обязанности главного служителя, и слух был неважный и голос хриплый, то даже имя Будды разобрать было весьма трудно. Мне вспомнилась невольно старинная история о том старом барсуке и, смочив «барсучьи волоски»*, я написал:

В холодной келье
Дыханием шерсть согревая, писал
Сутру на листьях.

1751

К КАРТИНЕ «НЕБЕСНЫЙ МОСТ»*

Хассэн*, имея пристрастие к красному и синему, стремится к минскому стилю*. Бусон, забавляясь кистью, подражает ханьскому направлению*. В хайкай же оба тянут нить, начало которой у старца из Банановой хижины*, причем, Хассэн, произойдя от Рэндзи*, на Рэндзи не опирается. Я, черпая из Синси*, за Синси не следую. Продвигаемся шаг за шагом к верхушке шеста, и не все ль равно, куда упадем? К тому же ни он ни я не печемся о том, чтобы сделать себе имя в хайкай — так что и в этом мы схожи. Когда-то в этом месте Хассэн сочинил такие стихи, прощаясь со столицей:

Небесный мост
Выслав вперед, ведомая им
Уходит осень.

Я же, расставаясь со столицей, сложил:

Хвост трясогузки.
За ним, словно груз, тянется
Небесный мост.

Он, переезжая на запад столицы, видел Небесный мост перед собой, с рядами сосен, уходящих вдаль на шесть ри*, я же, возвращаясь на восток столичной крепости, имел Небесный мост позади. Оба мы не самонадеянные хвастуны, считающие себя предводителями на этом пути.

1757

ОПЛАКИВАЯ СООКУ*

Старец Сооку повесил на стену мою картину «Сижу, ноги поджав, под сосной» и все время любовался ею. Конечно же, отношения меж нами были весьма короткие, так что и о годах, нас разделяющих, не вспоминали, но когда подошел последний срок его жизни, я по каким-то делам был совсем в другом месте, и целый год миновал, прежде чем дошла до меня весть об этой весенней утрате. Теперь, стоя перед его поминальным камнем, я прошу простить мне это прегрешение. И вы, друзья, глядя на меня, не считайте «чужим из мира тщеты»*.

Пепел курений
Падает вниз, смешиваясь
С сосновой пылью.

1767

КАРЕТНЫЕ ФОНАРИ

По прошествии двадцатого дня месяца «спе-
шащих наставников» --- сивасу вместе с Тайги*
занимались нанизыванием строф в доме одного
человека, на четвертую же ночную стражу отпра-
вились по домам. Лил дождь, дул неистовый ветер,
ночь была непроглядно темна, поэтому, приподняв

подолы платьев до самых чресел и заткнув их за пояс, мы с трудом бежали к югу по улице Муромати, а тут вдруг еще налетел резкий порыв ветра, и наши ручные фонарики разом погасли. Ночь с каждой минутой становилась все темнее, страшный дождь хлестал не переставая, словом, положение было отчаянное, хоть плачь.

Тут Бусон сказал:

— В такое время куда уместнее так называемые каретные фонари. Должно было подумать об этом заранее.

Тайги ответил:

— Что за вздор ты несешь! В нашем мире никогда нельзя знать заранее, что хорошо, а что плохо, и хорош ли каретный фонарь или нет, кто может сказать?

Точно так же и в нанизывании строф: редкостное умение Тайги находить выход из любого положения не поддается разумному объяснению. Он словно родной брат того почтенного настоятеля у монаха Ёсида, который сказал: «...если бы существовало то, что называлось Сироурури...»*

< между 1764–1772 >

О МИНОМУСИ (фрагмент)

Голоса насекомых иссякли, три тропки в саду сплошь в бурьяне*. Но и в эту пору существа,

которых называют миномуси — мешочницы, сделав себе домики из листьев и спрятавшись где-то в их глубине, живут себе потихоньку. Тельце миномуси не сверкает переливчато, как у радужниц-тамамуси, голос не привлекает звонкостью, как у сверчков-судзумуси, и нечего им тревожиться о том, что станут добычей людей подует северный ветер — качнутся они на юг, подует западный — на восток, со всем вокруг в согласии пребывают, и нечего им беспокоиться, что смочит их дождь или унесет ветер. Как ни тонка ниточка, на которой они висят, она для них прочнее троса из многожды закаленного железа. Подумать только, что нынешней осенью ушел из мира Тайги, а затем и Какуэй* покинул нас! Эти друзья мои увенчаны были славой в мире, они утруждали себя на поэтическом поприще, не жалея живота своего и, верно, поэтому долголетие обошло их стороной. О, миномуси, я с вами! И пусть никогда не покинет вас старушка, что живет по соседству.

Миномуси,
Одни в всем мире — качаются
Под холодным дождем.

1771

НА ЛОЖЕ БОЛЕЗНИ В НАНИВА

На пятый день десятой луны я причалил свою ладью к обители «В тени тростников» — Роинся*

в Нанива. Всю ночь пlying под пронизывающим ветром, я занемог, и, с тоской вспоминая о вчерашнем вечере в столице, особенно остро ощущал свою нынешнюю бесприютность, при всем же моем почтении к тому, кто с одной сандалией в руке удалился к Западным небесам,* мысль о том, чтобы последовать его примеру, повергала меня, недостойного, в уныние, но Сикэй и Тоси* с таким рвением готовили для меня целебное снадобье, что недуг вдруг отступил и стал казаться лишь вереницей снов...

Никому не нужны —
Мочит дождик холодный —
Старые сандалии.

*Остановившись на ночлег в доме
Канто...**

Мне уступи
Эту ночь, послушаю чаек,
Пока ты спишь.

1776

ЗАПИСИ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ХИЖИНЫ БАСЁ* НА ВОСТОКЕ СТОЛИЦЫ

К юго-западу от подножья вершины Симэй, в деревне Итидзёдзи, есть обитель дзэнских монахов, имя ей Компукудзи. Рядом находится

место, которое здешние жители называют Басё-ан — хижина Басё. Если за храмовые ворота выйдя, подняться до того места, где склон теряется в зеленой дымке листвы, то шагах в двадцати увидишь небольшой холм. И вот здесь-то, как говорят, и была когда-то хижина Басё. Место это издавна считается тихим и уединенным, далеким от мирской суеты, зеленый мох скрывает следы людей многих поколений, и все же тишина эта сродни тишине «пустынной чащи бамбука»*, когда над ней поднимается одинокая струйка дыма — знак того, что кто-то внизу кипятит себе чай. Вода бежит, облака застывают на месте, деревья стареют, птицы засыпают в их кронах, невозможно отрешиться от мыслей о прошлом. Здесь далеко от столичного блеска и суеты, но ведь и не вовсе вне пределов досягания мирской пыли.* За изгородью кричат петухи и лают собаки, за воротами кружат тропы дровосеков и пастухов. Рядом торгуют соевым творогом-тофу, лавчонка, где продают сакэ, тоже недалеко. Поэты могут ходить друг к другу в гости, так что жаждущий обрести «полдня покоя»* всегда может на него рассчитывать, пищи же, чтобы утолить голод, сколько душе угодно. Когда, с какого времени, стали так называть это место, неясно, но только, если спросить у срезающих траву детей или молотящих зерно женщин, где хижина Басё, любой непременно укажет именно на этот холм. Похоже, что это действительно старое название. Однако люди

успели забыть, откуда оно взялось. Краем уха я слышал, что в давние времена жил в здешнем монастыре достопочтенный монах по имени Тэссю, он построил себе в этом месте отдельную келью, довольствовался малым, сам стирая и сам готовя себе пищу, и редко какой гость нарушал его затворничество, но стоило ему услышать трехстишие, созданное старцем Басё, как слезы навертывались ему на глаза и он говорил, вздыхая: «О да, вот кто сумел отрешиться от забот этого мира и достичь пределов дзэн». В те времена старец Басё бродил, сочиняя стихи, по земле Ямасиро, бывал и на востоке и на западе, брызги Чистого Водопада — Киётаки* смывали пыль с его глаз, следя за облаками над горою Арасияма*, улавливал он уход одного времени года и приход другого, еще он воспевал рукава летнего платья Дзёдзана*, раздуваемые душистым ветерком; сочувствовал одинокому монаху, в холодную ночь ударяющему в свою плешку у могилы Тёсё*; печалился о судьбе прикрывшегося рогожей нищего*; бросал вызов обитателю горы Гушань, намекая на вчера украденных журавлей*; бродил, опираясь на посох у подножья горы Оохиэ и своим полотняным рукавом стирал с неба рассветную дымку*; пробираясь по горным тропам в Сиракава, изумленным взором Ду Фу* вглядывался в озерную гладь; и, в конце концов, в проглядывающих сквозь дымку соснах Карасаки* обрел высший смысл красоты. Поскольку же время для блужданий по окрестностям

столицы было самое благоприятное, скорее всего он и находил иногда приют среди этих диких утесов. А после того, как, не оставив следов, канули в прошлое сны, кружившие некогда по выжженным полям*, достопочтенный Тэссю глубокой предался скорби и, наверное, именно тогда назвал свою травяную хижину хижинкой Басё, заботясь о том, чтобы и впредь увлекал за собой людей высокий дух поэзии старца, и стараясь уберечь имя его от забвения. Впрочем, подобных случаев, говорят, и в других странах было немало: помнится, один человек, давая имя беседке, выразил свою радость по поводу наконец пролившегося дождя*. Правда, никто не слышал о том, чтобы старец Басё именно в этом месте сочинял свои стихи. А уж следов его кисти здесь не сохранилось тем более, так что трудно установить со всей определенностью — бывал ли он здесь или нет.

Учитель Сёсу говорил: «Один убеленный сединами старец, доживший до наших дней и весьма сведущий в поэзии, рассказывал мне о том, что именно в этой горной обители Басё просил кукушку ниспослать покой его горестной душе и сетовал на ее равнодушие*. Так почему же не остались здесь нетленные и вечно-прекрасные — тем отличные от росы и инея — следы его кисти — чудесного стебля, скользящего по вечнобегущей воде? Не потому ли, что “несовершающие благодеяний”*, будучи слишком суровы духом, и не нуждаясь в

словах, чтобы проникнуть в истину, выбрасывают как нечто совершенно бесполезное даже буддийские сутры и священные книги? Трудно представить себе, чтобы они могли оставить и сохранить рукописи старца, скорее напротив, эти грубые безумцы, очевидно, бросили их за ненадобностью в плевательницу, где они и истлели, или засунули в шкаф, где, став пристанищем червей, они превратились в бумажный мусор. Право, что может быть прискорбнее? »

Печаль учителя понятна, но «стоит ли донимать себя за прошлые грехи?»* С другой стороны, преступно пренебрегать этим славным жилищем, оставшимся от былых дней в столь живописном месте, поэтому, сговорившись со своими единомышленниками, я по прошествии некоторого времени восстановил эту травяную хижину в том виде, в каком она была прежде, и с тех пор в начале столь любимой кукушкой луны Зайца* и в конце Долгой луны*, когда плачут олени, мы непременно сходимся в этой обители и благоговейно принимаем к высокой поэзии великого старца. Главой всех работ по восстановлению хижины стал Дорицу из кельи Дзидзайан. Говорят, прадед Дорицу, учитель Танан, был наставником старца Басё в китайской словесности. И в том, что именно Дорицу доверили восстановление хижины, видится мне воистину редкостное предопределение судьбы.

1776

О СТАРОЙ ШЛЯПЕ

Были поэты, которые спешили в Ёсино, желая «показать, как вишни цветут» своей шляпе* из дерева хиноки, но я к этому не стремлюсь. Правда, в нашем мире весьма часто бывает и так, что вот человек вечно сидит дома, тяготясь мирскими делами, все, что он когда-то задумал: «вот это бы сделать!» или «вот бы было так!», так и не осуществляется, и, в конце концов, дымки и туманы, цветы и птицы перестают подчиняться ему, но, наверно, я слишком глуп, во всяком случае, сейчас у меня нет желания обзаводиться комнатой, где бы я мог принимать гостей.

Опали цветы,
Темную тень бросает вокруг
Старая шляпа.

1782

ПУТЕШЕСТВИЕ В УДЗИ

Однажды — это было неподалеку от селения Тавара, южнее горы Удзи — мы зашли далеко в горы, собирая грибы. Молодые спутники мои, алкая добычи, стремились вперед и вперед, каждый норовил обогнать другого, я же, значительно отстав от них, искал неторопливо, тщательно осматривая каждый клочок земли, и, в конце концов,

нашел целых пять грибов мацутакаэ, каждый величиной с небольшую тростниковую шляпу. Поразительно! Интересно, почему дайнагон Такакуни из Удзи, записав столь удивительную историю о грибах хиратакаэ, ни словом не обмолвился об этих замечательных мацутакаэ*?

Взгляни же,
Подобрать их забыли — в каплях росы
Семейка грибов.

На самой высокой вершине виднеются человеческие жилища — это деревушка под названием Коноо. Говорят, жители ее занимаются ловлей форели и тем обеспечивают свое существование. Их лачуги лепятся возле самых туч, «сломанные мостики»* переброшены через водные потоки.

«Неужели и в таких отрезанных от мира уголках живут люди?» — ужасаюсь, и холодеет сердце странника.

Вниз устремилась
Форель, а горы все выше и выше —
Тянутся к небу.

Комэкаси — так называется место, где течение реки Удзи становится особенно быстрым. Вода и камни борются друг с другом, гребни, вскипающие на kloкочущих волнах — то взлетают, словно снег, то клубятся как тучи. Рев потоков полнит горы и ущелья, и человеческие голоса теряются в нем.

Вспомнив замечательные строки Бо Цзюйи, так воспевшего чудные звуки лютни:

«Внезапно серебряный треснул кувшин,
на волю стремится влага.
Вдруг всадник в железных латах летит,
мечом и копьем громяхая.
Пластину, которой играет, она
поставила посередине.
Кончается песня. Четыре струны
Невидимый шелк разорвали»*. --

сложил:

Шелк разрывает
Лютни звенящий ручей.
Осенние звуки.

1783

О НОВОГОДНЕМ

В этом году я решил пренебречь новогодним стихотворением, но вот под утро на двадцать восьмой день двенадцатой луны во сне явился мне чудной такой старец и говорит: «Я пришел в столицу по поручению господина Дзэнсэя из Митиноку и, воспользовавшись случаем, зашел к вам, ибо есть у меня для вас подношение». Тут развязал он свой узелок, извлек из него два зеленых

ростка сосны и, сказав: «Если посадите их в северо-западном углу вашего сада, то ждет вас великая радость» — исчез, будто его и не бывало. Даже после того как я пробудился, мне все казалось, что я смотрю на этого старца и беседую с ним, а тут еще вспомнилась давняя история с соснами из Такэкума*, и я сложил:

У ворот моих
Два сосновых увидишь ствола —
В трижды первое утро*.

<не датируется>

УХЭЙ ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Однажды, когда я шел из провинции Дэва в провинцию Митиноку, вечер застиг меня в горах, и, с трудом добравшись наконец до селения под названием Ясиябукуро — Девяносто девять мешков, я попросил там ночлега. Всю ночь напролет рядом раздавался какой-то стук: «гото-гото», поэтому, охваченный любопытством, я вышел посмотреть, и что же? — оказалось, что на просторном дворе старого храма какой-то старик толчет в ступе зерно. Неторопливо прошелся я по двору: в лунном свете одинокая вершина бросала на землю тень, ветер шумел в бамбуковой чаще, светлая ночь была так прекрасна, так что и сло-

вами не опишешь. Этот человек, очевидно, боялся дневной жары, потому и работал ночью. Подойдя к нему, я спросил, как его имя, и он ответил: «Ухэй».

Ночная прохлада.
Толчет зерно под луною
Заяц — Ухэй*.

<не датируется>

ДАВАЯ ИМЯ СНЕЖНАЯ БЕСЕДКА

Давая имя, лучше всего не задумываться*. Даже тот, кого зовут Манкити — Безграничная удача, может безвременно покинуть сей мир, даже тот, кого зовут Иппэй — Одинокий воин, порой становится отцом целой сотни детей. Поэтому надежнее довериться случаю, а не стараться подобрать что-нибудь необычное. Когда меня попросили придумать имя, я, помня, что когда-то называл себя Снежная пещера, ответил сразу же: «Снежная беседка». К тому же это было после того, как, по случаю снегопада, я выпил чашечку сакэ.

Растает снег,
Но высится пусть в веках
Снежная беседка.

29 день одиннадцатой луны

Позавчера, написав это стихотворение, ушел домой, но по прошествии некоторого времени его принесли ко мне снова и попросили поставить печать. Постаравшись не вспоминать о том постыдном обстоятельстве, что сочинил его, будучи навеселе, поставил печать и отправил стихи обратно.

<не датируется>

НА ТЕМУ «ВЕСЕННИЕ ТРАВЫ»

Собрались с друзьями в обители Ринсёин, что на мысу Вада. Подыскивали тему, и случайно возникло: «Весенние травы». Я не сумел сдержать охватившего меня волнения. Где блуждаешь ты теперь, «любезный друг»? Для кого твой родной край из года в год расцветивается весенними красками? О любезный друг, не должно, тебе уподобляясь, пускаться в дальние странствия. Не должно учиться у тебя жестокосердию.

Сколько же их —
Тропинок, ведущих в родные края?
Весенние травы.

<1778?>

О КОНЦЕ ГОДА

Люди бегут на стогны, прельщаясь мыслями о славе и выгоде, тонут в море страстей, истязают себя, о том забывая, что жизнь имеет пределы.* Особенно же удручают ночи в исходе года, словами не выразишь, сколь они тягостны: люди бродят по улицам, стуча в чужие ворота, громко кричат, бранятся, носятся, почти не касаясь земли ногами, ужасно! И как мне, недостойному, вырваться из этих пыльных пределов мирской тщеты? «Вот и старый кончается год, а на мне дорожная шляпа и сандалии на ногах...»* Когда, притулившись где-нибудь в углу, я тихонько распеваю эти строки, необыкновенный покой нисходит в душу. «Вот если бы и я так мог!» — вздыхаю почтительно, и такие минуты укрепляют дух не хуже, чем Великое Созерцание. Старец Басё покинул наш мир, старца Басё больше нет. Годы же по-прежнему уходят, по-прежнему приходят.

Ушел Басё.

И с тех пор все никак не может

Кончиться год.

<не датируется>

К КАРТИНЕ «СТАРЕЦ КУДЗУ»

Чжан Цзюлин*, приникая к светлому зеркалу, сокрушался о собственных сединах, Дзёдзан*,

склоняясь над чистым потоком, стыдился своих морщин. Есть здесь один отшельник. Не знаю, кто он и откуда. Он любит напиток из кудзу*, вот люди и прозвали его старец Кудзу. Никогда этот старец не стремился к заоблачным далям, не искал славы и богатства? он не сподобился предстать пред очи князя Рюдзан*, а потому, естественно, избежал необходимости придумывать двустишие к знаменитому трехстишию об ирисах-какицубата, он не встретил на своем пути никого, похожего на князя Сукэтомо*, а потому никто никогда не обзывал его кудлатым псом. Любимым посмертным почестям он всегда предпочел бы выпитую при жизни чашечку кудзу. Но, право, где грань между чистым и загрязненным, светлым и темным, что хорошо, а что плохо? Разве не бывает так, что загрязненное оказывается предпочтительнее чистого, а темное — предпочтительнее светлого?

Выпей кудзу,
Если вдруг замутит зеркало
Горестный вздох.

В чашке кудзу
Уходящую тень свою ловит
Бедный старик.

Кто понимает смысл этих строк? Старец из обители Цикад.* А кто их произнес? — Бусон из Полночной беседки.

1780

В том давнем году, когда я впервые вступил в столичные пределы, однажды лунной ночью я шел, бормоча стихи, вдоль реки Камогава от Второй линии на север, и тут на глаза мне попался смуглый высокий монах: засучив рукава платья цвета туши, он шагал, приятным весьма голосом распевая песенки, какие поют обычно в восточных провинциях, но вдруг откуда-то из-под дамбы выскочила женщина, по виду уличная, она вцепилась в его рукав и, отворачивая лицо от лунного света, принялась шептать: «Какой же ты красавец! Не побрезгуй изголовьем из трав, приготовленном для тебя в моем доме, вкуси минуту отдохновения, мимолетную, как росинка, сверкающая на листе. Не можешь же ты бессердечно пройти мимо!» — «Верно, тебя подвели твои глаза! — отвечал монах. — Перед тобой наставник из Западной пагоды Хиэ, называют меня Большая восточная река — Банто-таро, Явное и Тайное равно мне открыты. Как смеешь ты прикосновением своим осквернять столь почтенного ученика Будды? Отпусти меня немедленно!» — увещевал он, однако женщина никак не отступалась, поэтому монах, — не выдержав, видно: «С меня хватит!» — заорал своим грубым с восточным выговором голосом: «Ну что пристала, думаешь слезами меня одолеть? Ах ты, слезоточивый Бэнкэй!* Безмозглая тварь!», тряхнул рукавом, затопал гневно ногами, и пустился

наутек. Все это показалось мне весьма поучительным и забавным, потому я сложил, подражая легкой манере Сливового старца*:

Метелки мисканта,
Хоть на одну ночь склонись к ним,
Мусасибо-Бэнкэй.

<не датируется>

СЛОВО О МОТЫГЕ

Со времен богов дошла она до наших дней, и вид ее ничуть не изменился. Если говорить о великом — она правит страной, если о малом — заправляет в доме: без нее не выкопаешь ни бамбукового ростка из-под снега, ни котелка с золотыми монетами. В самом деле, нет ничего, чему бы она не помогла появиться на свет: и рис, и зерно, и хлопок, и металл — все добывается с ее помощью. Так что, не годится, предаваясь несбыточным мечтам, забывать о столь самоценном орудии.

Для огородов, полей
Волшебной палочки, право же, лучше
Простая мотыга.

<не датируется>

К КАРТИНЕ «СПАДАЛА ВОДА...»

Все стихи «Красной стены»* -- и первая ода, и вторая, каждое слово — отмечены изяществом, но особенно прекрасны строки: «Высокие воды и маленький месяц.. Спадала вода, и камни под ней выступали...»

Они напоминают одинокого аиста среди стаи кур. Когда-то, путешествуя по Митиноку, я остановился под «ивой паломников» — югёянаги* и, вспомнив вдруг эти стихи, сложил:

Листья ивы опали.
Высохли светлые струи.
Камни, голые камни...

<не датируется>

ПОХВАЛА ПРОДАВЦУ ГЛИНЯНЫХ ГОРШКОВ

В окрестностях Фукакуса долго жил затворником один чудной старик. Он только и делал, что лепил из глины горшки, а в конце года, взвалив их себе на плечи, выходил из дома и бродил по улицам столицы, продавая. Никакого другого занятия у него не было, и все остальное время проводил он в своем доме за запертой травяной дверью. Никто не знал сколько ему лет: каким стариком он выглядел в давние времена, таким оставался и теперь. Может, он вроде того старика,

что продавал когда-то палочки для еды?* Так или иначе что-то есть в нем притягательное.

Все те же черты...*
Все те же плоски-горшки
На новогоднем рынке.

<не датируется>

ВЕСЕННЯЯ ЛУНА

И в стране Морокоси*, и в нашей стране есть множество мест, известных необыкновенной красотой осенней луны, но почему же столь легкомысленно пренебрегают весенней луной?

Когда, в десятых числах второго месяца, став у южных ворот Запретной обители*, поднимешь взор к небу, то никаких слов не достанет, чтобы выразить увиденное: из-за горных вершин, чуть южнее вершины Нёигатакэ, выплывает луна, в смутной дымке угадываются силуэты ив, откуда-то доносится легкое благоухание цветущих слив, а тут еще какой-нибудь вельможа — кто неизвестно — выйдет вдруг из Дворца и один, без телохранителей, неторопливо пройдет мимо — зрелище воистину необыкновенное!

С женщиной милой
Любоваться б «Приютом заоблачным»*
Под весенней луной.

Зеленые ивы,
Что вы, трава иль деревья
На земле Государя? *

<не датируется>

СОБИРАЯ НОВЫЕ ЦВЕТЫ (фрагменты)

«Гогэнсю»* или «Собрание пяти эпох» составил сам Кикаку, он же, переписав стихи набело, вручил их ксилографу, а поскольку намеревался распространить их по миру, с особым тщанием подобрал травинку к травинке и веточку к веточке. Однако даже такое собрание, ежели обратиться к нему теперь, окажется сплошь состоящим из весьма трудных для разумения стихов, и почти невозможно выбрать такие, о которых можно было бы сказать: да, они безусловно хороши. Некоторые, несомненно, придутся по вкусу кому угодно, но звучат они слишком легковесно. Стихи же хитроумные, труднопонятные, подобны парчовому наряду, надетому темной ночью*, и не стоит сочинителю помышлять самодовольно — мол, редкого мастерства достиг.

Домашние поэтические собрания обыкновенно составляются уже после смерти сочинителя. «Собрание пяти эпох» — единственное прижизненное собрание. Создается впечатление, что «собрания начальных строф-хокку» и издавать нечего.

Ведь часто после появления оных меркнет слава, окружавшая ранее имя сочинителя. Собрания, подобные «Гэмбосю» или «Бакуринсю»*, не делают, как мне кажется, чести их авторам. А об их заурядных последователях и говорить нечего. Создать хорошее трехстишие чрезвычайно трудно. Кикаку называют Голубым Лотосом, Ли Бо* поэзии хайкай. И тем не менее, среди сотни тысяч его стихотворений вряд ли найдется и два десятка истинно замечательных. В собрании Кикаку много непонятных стихов, однако к ним невольно возвращаешься снова и снова и с каждым разом все труднее от них оторваться. В этом — главное достоинство Кикаку. Так или иначе, хорошо, когда в трехстишии запечатлена широта души.

В собрании Бакурина есть и хорошие стихи, но чем больше в них вчитываешься, тем более неприятное возникает чувство.

«Собрание пяти эпох» предполагал выпустить сам Кикаку, он тщательно подобрал стихи, переписал их набело на глянцевиной, обработанной целлоком бумаге, когда же дело дошло до переноса рукописи на доски, внезапно ушел из мира, так и не успев осуществить задуманное, а некий монах из святилища Сиба-симмэй спрятал рукописи покойного и держал их у себя, никому не показывая, пока мой друг, известный под именем Хякуманбо* Сигэн, не выманил у него рукопись, соблазнив весьма солидным вознаграждением. Си-

гэн затем передал рукопись мне с просьбой переписать ее, не изменяя ни черточки, ни точки, я же охотно согласился, но все медлил, а между тем, стечение некоторых обстоятельств принудило меня покинуть Эдо*: я побывал у Ганто* в местечке Юки провинции Симоса, где денно и ночью забавлялся хайкай, затем присоединился к путешествующему по Цукуба Рюкё* и каждый день в новом месте занимался нанизыванием строф, скитался с Тамбоку* по провинции Кодзукэ, каждый рассвет в новом месте встречая, бродил вдоль Сосновых островов — Мацусима*, и прекрасные виды очищали мне душу, опускал голову на изголовье из трав в Сото-но хама и забывал о возвращении, размышляя о жемчужинах Хэпу*... Дни текли один за другим, и, так, незаметно миновали три года: трижды ложился на землю иней, и звезды трижды вершили свой путь в небесах. Мог ли Сигэн дожидаться моего возвращения? В конце концов, он поручил переписать рукопись Кисэю*, затем она была перенесена на доски и быстро распространилась по миру. Так возникло всем известное «Собрание пяти эпох». Если вы сверите его с первоначальной рукописью, то не заметите ни одного, самого ничтожного разночтения. Таким образом, следы кисти Кикаку, к счастью, не были утрачены. Первоначальная же рукопись хранится теперь в доме Умитомо Гёкуга*.

Самое главное — понимать разницу между «начальной строфой-хокку» и «простой стро-

фой-хираку*». Этим ни в коем случае нельзя пренебрегать.

Вот пример строфы, которая вроде бы «простая» -- хираку, а на самом деле — «начальная» — хокку:

С закоптелой кастрюлей
Хозяйка бредет, утопая в снегу.
Малый мост Ёдо.

Это трехстишие Бусона.

А вот вроде бы «начальная строфа», хокку, а на самом деле -- «простая», хираку:

Над Оми
Размером с ладошку плывет
Облачко.

Это трехстишие Сэцудо.

К картине Маруяма Мондо*, на которой изображены древние варвары:

Водорослями
Со стрехи вытираю капли.
Весенний дождь.

Один человек, имея пристрастие ко всему необычному, сделал гарду для своего короткого меча из надгвоздной резной розетки, будто бы украшавшей когда-то Сэнъянский дворец*. Меч этот он всегда носил с собой и очень дорожил им. Розетка и в самом деле была старинная — с орнаментом из цветов и птиц, инкрустированная

золотом, серебром, медью и железом, от нее словно веяло чарующим ароматом тысячелетней древности. Вот только где доказательства, что она действительно из Сэнъянского дворца? Скорее всего, это просто досужие выдумки. Жаль, ведь эта прекрасная вещь только выиграла бы, не назови он ее украшением из Сэнъянского дворца.

Если в наши дни кому-нибудь захочется сделать своей семейной реликвией что-нибудь вроде стружек от моста Нагара или мощей лягушек из Идэ*, его скорее всего поднимут на смех, сочтя подобное занятие вульгарным и бессмысленным.

Корейская пиала, принадлежавшая некогда Токива Тамбоку, бережно хранилась у Оотака Гэнго*, одного из Сорока семи самураев, а от его потомков попала ко мне. История у этой пиалы в самом деле замечательная, но где доказательства ее подлинности? Вещицы, подобные розетке из Сэнъянского дворца, впоследствии непременно передаются другим людям.

Монастырь Тэнрин-ин в Мацусима, вздымающий черепичные крыши по соседству с храмом Дзуйган-дзи — один из самых больших и почитаемых монастырей последователей учения Дзэн. Однажды, когда я гостил там, почтенный настоятель, протянув мне пластину из окаменевшего дерева длиной в сяку с небольшим, сказал:

— Наместник провинции Сэндай, господин тюдзё такой-то, в сочинении песен истинно не имел себе равных. Однажды, призвав работников, он

повелед им отыскать на дне реки Наторикава окаменевшее дерево, когда же они извлекли его, заказал из него шкатулки для бумаги и для тушечницы, затем, присовокупив к ним кисть с ручкой из ветки хаги, выросшего на равнине Мияги, послал все это в дар дому Нидзё*. Так вот, эта пластина является доподлинным остатком от того дерева. — И с этими словами он преподнес мне пластину.

Это была прекрасная вещь, по текстуре напоминавшая железное дерево. Черного цвета, очевидно потому, что тысячу лет пролежала на дне речном, стоило же постучать по ней, раздавался звон: «дон-дон», совершенно как если бы она действительно была железной. Весом же пластина была около десяти кин*, так что я, завернув ее в тряпицу и взвалив на плечо, с трудом дотащил до станции Белый камень — Сираиси. Не в силах превозмочь усталости, долгим путем вызванной, я решил остановиться на ночлег на постоялом дворе, а узел с пластиной засунул под галерею, да и забыл там.

Спустя некоторое время я рассказал об этой пластине Тамбоку, мы оба гостили тогда у Ганто в Юки. Тамбоку рассердился и, сурово отчитав меня, сказал:

— Бросить столь редкую вещь! Тупоголовый монах! Я заберу ее себе. — И он немедля отправил посланного к Синрю* с реки Суга: «Так мол, и так, этот человек сделает все, что ты прикажешь». Синрю тут же направил его в Сираиси, снабдив

письмом и соответствующими наставлениями, и тот, добравшись до постоянного двора, сказал, как ему было велено:

— Однажды останавливался здесь на ночлег один монах и кое-что забыл. Вот я и пришел за этой вещью.

Хозяин постоянного двора, любезно пошарив под галереей, нашел узел и отдал ему, а тот, взяв, удалился.

Впоследствии пластина перешла к Ганто, и тот сделал из нее крышку для тушечницы под названием «Рыбы и журавль». От Юки до Сираиси более семидесяти ри, к тому же много дней прошло с того дня, как я останавливался там, и все-таки пластину удалось вернуть. Такое редко бывает.

Гантана* никак не назовешь человеком неосновательным. Как-то раз, изобразив на куске шелка Басё, Кикаку и Рэнсэцу, я попросил его сделать надпись. Гантан написал:

Момотидори (кулик)
Инаоосэдори (трясогузка)
Ёбукодори (кукушка)

Можно сказать, что Гантан единственный на все времена, кто восславил трех бессмертных поэтов хайкай. Теперь эта картина находится в доме человека по имени Дзюмэй в Никко, провинции Симоса.

Дзёу из Юки построил себе отдельный домик и нанял старика, чтобы тот постоянно присматривал за ним. Хоть и находился тот дом в городе, вокруг высокой стеной стояли деревья, сад густо зарос травой, словом, трудно было найти лучшее место, чтобы укрыться от мирской пыли, поэтому и я однажды решил провести там несколько дней. Однажды старик, не имея иных дел, кроме стирки да уборки, сидел в своих покоях и, перебирая четки при свете одинокого светильника, сетовал на бесконечность осенних ночей, я же, разместившись во внутренней части дома, сочинял трехстишияхокку и самозабвенно трудился над китайскими виршами, но спустя некоторое время, почувствовал усталость, и, накрывшись футоном, уже готов был отдаться сну, как вдруг кто-то: «тук-тук-тук» — постучал в дверцу со стороны галереи. Стук повторился раз двадцать или тридцать подряд. Мне сделалось жутко, сердце громко забилося, однако, быстро поднявшись, я тихонько открыл дверь и выглянул — никого. Вернувшись в спальню, я снова попытался уснуть, но опять послышалось: «тук-тук-тук». Я снова поднялся и снова выглянул — ни души. Испугавшись не на шутку, я рассказал обо всем старику-сторожу, и вместе стали мы думать, как быть? Старик сказал:

— Не иначе, как барсук повадился! Ну погоди у меня! Когда он снова придет и начнет стучать, вы сразу же откройте дверь и гоните его. А я пройду через заднюю дверь, спрячусь за изгородью и стану ждать.

Прижимая к себе хлыст, он стал наблюдать за дверью. Я же, прикинувшись спящим, ждал, и вот снова послышалось: «тук-тук-тук».

— Эй! — воскликнул я и распахнул дверь, а старик закричал:

— Эге-гей! — и бросился с другой стороны наперерез, но в саду никого не оказалось. Старик, рассердившись, обыскал все уголки, но нигде не было ни души.

Такое повторялось каждую ночь в течение пяти дней, и, в конце концов, до крайности измученный я решил, что больше в этом доме не останусь, но тут пришел управитель дома Дзёу и сказал:

— Думаю, что больше вас никто не будет беспокоить. Утром неподалеку отсюда, в Ябусита, поймали старого барсука. Я уверен, что именно эта тварь и докучала вам. Сегодня ночью можете спать спокойно.

И действительно — с того самого дня ночные стуки прекратились. При всем моем отвращении к подобным тварям мне вдруг стало очень жаль этого старого барсука, одинокого скитальца, который приходил к нам, быть может, ища спасения от ночной тоски. К тому же, очевидно, меж нашими судьбами существует какая-то давняя связь. Тогда я призвал монаха по имени Дзэнку, сделал пожертвования Будде и всю ночь молился, прося даровать несчастному просветление.

Осенние сумерки.
Вдруг обернется буддой
Старый барсук.

Говорят, что барсук, приходя к человеческому жилью, стучит в дверь хвостом, но, по-моему, это не так, во всяком случае, мне показалось, что он ударял спиной.

Однажды мне случилось года три прожить в монастыре, который называют Кэнсёдзи, в Миядзу, провинции Танго. В начале осени я заболел лихорадкой и болезнь не отпускала меня около пятидесяти дней. Жил я во внутренних покоях, одна из комнат была очень большой, и обычно я плотно задвигал в ней все сёдзи, не оставляя ветру ни малейшей щелки. В соседней же комнате устроил себе ложе, на котором и лежал целыми днями, отгородившись фусума*. Однажды ночью, примерно на Четвертую стражу, болезнь на время отступила, и, решив сходить в уборную, я, покачиваясь, поднялся. Уборная находилась в северо-западном углу, идти туда надо было по продольному настилу вдоль галереи. Огни уже были потушены и в полной темноте, отодвинув дверцу, я шагнул вперед правой ногой и — о, ужас! — нога наступила на что-то пушистое, мохнатое. Тут же убрав ногу, я тихонько позвал, но в ответ не получил ни звука. Перепуган я был не на шутку, но, постаравшись справиться с сердцебиением и дрожью, решил выяснить, в чем дело, и резко пнул

теперь уже левой ногой то, что там лежало. Однако на этот раз под ногой была пустота. Совершенно уже ничего не понимая и чувствуя, что от страха волосы встают на голове дыбом, я, дрожа, прошел в ту часть дома, где были монашеские кельи, и, с превеликим трудом разбудив спящих глубоким сном монахов и слуг, объяснил им: «так, мол, и так». Выйдя, монахи зажгли фонари, и пошли посмотреть, в чем дело, когда же они подошли к внутренней части дома, то обнаружили, что и фусума и сёдзи были, как обычно, заперты, так что убежать было невозможно, но, разумеется, внутри не оказалось ровно ничего необычного. Рассердившись, монахи принялись бранить меня: «Это все недуг, от него помутился ваш рассудок, вот вам и мерещится всякий вздор», потом все опять легли. Посрамленный: «не стоило их звать», — я тоже вернулся в спальню. И готов был заснуть, как вдруг будто огромный валун навалился мне на грудь, и я громко застонал от боли. Очевидно, стоны мои проникли сквозь стены, во всяком случае, ко мне в комнату вошел настоятель Тиккэй и стал будить меня, участливо спрашивая: «Что такое, что случилось?» Постепенно я пришел в себя и стал рассказывать: «Так, мол, и так», настоятель же: «Не иначе, проделки барсука-монаха», — сказав, распахнул боковую дверь и выглянул, а поскольку ночь уже близилась к рассвету, было очень хорошо видно, что по галерее и дальше вниз тянулись чьи-то следы, будто кто-то рассыпал

цветы сливы. Тут те, кто раньше ругал меня, говоря, что, мол, все это мне померещилось, испуганно зашептались: «А ведь и вправду что-то было». Настоятель Тиккэй, наверное, очень торопился ко мне, во всяком случае, он не успел завязать пояс, полы его платья распахнулись и были видны похожие на маковые головки пухлые яйца, не похоже, чтобы под короткими седыми волосами скрывалось что-нибудь более основательное. Сказав, что с молодых лет страдает чесоткой, Тиккэй принялся крутить и чесать мошонку. Выглядело это странно весьма, и я забеспокоился и испугался: «Не переутомился ли он, читая священные сутры старца Сюаку?» Но Тиккэй, улыбнувшись, сказал:

Поздняя осень.

Балка одна на восемь дзё

У Золотого храма*.

В провинции Хитати, в местечке под названием Симодатэ, живет человек по имени Накамура Хёдзаэмон. Он один из учеников покойного хозяина Полночной беседки*, любит хайкай и называет себя Фуко. Будучи богачом, каких мало, он и дом выстроил сообразно положению своему — по два тё* с каждой стороны, а в саду собрал причудливых форм камни и редких пород деревья, провел туда ручьи, поселил птиц, насыпал холмы, чтобы можно было прямо из дома любоваться прекрас-

ными видами. Правитель здешних мест и тот час-тенько заглядывал к нему, словом, не было в округе человека влиятельнее этого Фуко. Жену его звали О-Мицу, она была дочерью богатого купца по фамилии Фудзии, знала толк в японских песнях, да и нитями с бамбуком не пренебрегала*. Это была чрезвычайно приветливая женщина с тонкой чувствительной душой. Случилось же так, что столь благоденствующее прежде семейство как-то незаметно обеднело, в доме воцарилось уныние, и, как это всегда бывает, люди постепенно забыли туда дорогу. В самом же начале, когда дом только начинал утрачивать былой блеск, стали в нем происходить какие-то странные вещи. Вот самый страшный случай, от которого волосы невольно встают дыбом. Однажды на Двенадцатую луну, готовясь встретить новую весну, работники заготовили более обыкновенного риса для лепешек-мотии и до краев наполнили им несколько больших чанов. По прошествии некоторого времени было замечено, что содержимое чанов уменьшается с каждой ночью, поэтому заподозрив: «уж не вор какой их уносит?» — каждый чан прикрыли большой — со створку ворот — доской, доски же придавили тяжеленными камнями. На следующее утро, охваченные волнением, поспешили открыть чаны, и что же: крышки были на месте, количество же риса уменьшилось наполовину. В то время хозяин дома, Фуко, по каким-то делам был в Эдо, и в доме распорядилась его рачительная супруга

О-Мицу, поскольку же была она добра и даже к слугам относилась с участием, всем было жалко ее до слез. Однажды ночью, готовясь к весне, О-Мицу кроила одежды из прекрасного шелка, а как время было позднее, всех домашних она отпустила и отправила спать. Оставшись одна, О-Мицу устроилась в маленькой комнатке, плотно заперла все двери, задвинула перегородки, позаботившись о том, чтобы и росинка не просочилась бы, поярче засветила светильник и спокойно села за шитье. В тишине было слышно, как капает вода в водяных часах, но вот, не успела стража Быка* вступить в свою третью четверть, мимо колен О-Мицу, подрагивая длинными хвостами, прошествовали вереницей пять или шесть старых облезлых лисиц. Поскольку О-Мицу еще с вечера велела крепко-накрепко, так, чтобы ни одного просвета не оставалось, запереть все двери и перегородки, непонятно было как проникли в дом эти твари. Обомлев, она смотрела во все глаза: лисы свободно передвигались по дому, словно по плоской открытой равнине, а потом вдруг исчезли, будто растаяли в воздухе. А О-Мицу, вроде бы даже особенно и не испугавшись, как ни в чем не бывало, продолжала шить. На следующий день, когда я зашел в дом Фуко, чтобы осведомиться о том, все ли в порядке, и подбодрить хозяйку, наверняка обеспокоенную тем, что супруг задерживается, О-Мицу держалась со мной приветливее обыкновенного и, неторопливо беседуя о том о сем, пове-

дала мне между прочим и о вчерашнем происшествии. Даже слушать ее было жутковато — холодок побежал по спине.

— Какой ужас! — воскликнул я. — Почему же, несмотря на такое странное явление, вы не разбудили никого из домашних, все перенесли одна? Что за неуместная стойкость!

— Да нет, мне просто ни капельки не было страшно, — отвечала О-Мицу.

Ну не странно ли — женщина, которая всегда набрасывала на голову платье, пугаясь стучащего в окно дождя или стонущего в зарослях мисканта ветра, в такую ночь ни чуточки не испугалась!

А вот еще случай. Был старец, которого звали Синга, как-то раз заночевал он у Фуко, устроившись в парадных покоях. Стояла восемнадцатая ночь Долгой луны*. В чистом лунном сиянии холодным блеском сверкала роса, в траве звенели бесчисленные насекомые — словом, красота была неопишуемая, поэтому Синга прежде, чем лечь, задвинул только сёдзи, а дверцу оставил открытой. На четвертую примерно стражу вдруг словно что-то разбудило его: приподняв голову, он взгляделся: в лунном сиянии, а луна светила так ярко, что было светло, как днем, виднелись лисицы, множество лисиц — задрав пушистые хвосты, они стояли на окружавшей дом широкой галерее. Их силуэты отчетливо вырисовывались на сёдзи, и так жутко становилось от этого зрелища, что и передать невозможно. Тут даже Синга не выдер-

жал, бегом бросился во внутреннюю часть дома, где была кухня, и стал стучать в боковую дверь, думая, что там располагались покои хозяина.

— Эй, вставайте скорее! — вопил он что было мочи. Тут проснулись слуги и зашумели, закричали:

— Берегись! Разбойники в доме!

От этого шума Синга успокоился и, раскрыв пошире глаза, взгляделся: слуги кричали, колотя в дверь кухни:

— Хозяин, скорее, скорее, на помощь!

Потом Синга рассказывал:

— Ну и перепугался же я тогда!

А вот еще случай. У Мацудайра, владельца замка Сиракава и правителя Ямато, был вассалом фехтовальщик по имени Акимото Гохэй. В чем-то не поладив со своим повелителем, он покинул службу, уехал из провинции, изменил имя на Суйгэцу, полюбил хайкай и стал бродить по четырем провинциям, останавливался то здесь, то там, общался с самыми влиятельными семействами, нигде подолгу не задерживался, уподобившись плавучей траве или перекасти-поле, словом, полностью посвятил себя изящному.

Так вот однажды этому старцу тоже случилось заночевать во внутренних покоях дома Фуко, и привиделось ему, будто под широкой галереей у дома сидят три старухи, причем всю ночь напролет доносилось до него оттуда какое-то невнятное бормотание. Навострив уши, он прислу-

шивался, силясь разобрать, о чем говорят, но так ничего и не услышал. Чем темнее становилась ночь, тем большая тоска и страх овладевали им, и до самого рассвета ему не удалось сомкнуть глаза.

Ежели есть то, что ты хочешь получить, лучше, проявив настойчивость, получить это, ежели есть то, что ты хочешь увидеть, лучше приложить все силы к тому, чтобы увидеть это. Не следует беззаботно упускать благоприятный случай, думая: «Как-нибудь в другой раз». Другого раза может и не случиться.

Почтенный Умэдзу Ханъэмон*, являясь правой рукой одного влиятельного семейства, за выдающиеся заслуги во время военных действий в Нанива удостоился особой грамоты. Он принадлежал к славному роду и, будучи его старейшиной, получал жалованье в 10 тысяч коку риса. Полюбив хайкай, он все свободное от службы время стал проводить с учениками Кикаку и взял себе имя Китэки. В сборниках, составленных Кикаку, немало и его стихов. Когда срок его службы в Эдо подошел к концу, он захотел вернуться к себе на родину, в Акита. Сожалея же о разлуке с Кикаку, хотел и его взять с собой. Но Кикаку не мог следовать за ним. В окружении же Кикаку был человек, которого называли Сико. Этот Сико был весьма умудрен в хайкай, поэтому Кикаку предложил ему сопутствовать Китэки, и они вместе

отправились в Акита. Говорят, что Китэки и Кикаку постоянно обменивались письмами. Среди этих писем есть письмо Кикаку истинно замечательного содержания. В начале письма Кикаку, естественно, осведомляется о здоровье Китэки и о погоде. Затем, после двух-трех написанных им по случаю трехстиший, пишет следующее:

«В такой-то день такой-то луны, сорок семь верных самураев ночью напали на дворец одного семейства и отомстили за обиду, некогда их покойному господину нанесенную, затем, не испытывая раскаяния, удалились в монастырь Сэнгакудзи. При этом особенно отличились Сиё — Первый лист и Сюмпан — Весенний парус*. Эти два воина в последнее время приобщились к моим занятиям и обнаружили изрядную склонность к изящному, что меня особенно трогает».

Понимая, сколь велика ценность этого послания, Китэки чрезвычайно бережно хранил его. В те времена жил юноша, которого звали Фуками Синтаро. Он был таким красавцем, что наверняка затмил бы даже Кэ Аня с Дун Сянем*. Китэки очень полюбил его, и узы, связывающие этих Су У и Ли Лина,* были весьма прочны. Синтаро пристрастился к хайкай и взял себе имя Дзёсё. Ему очень хотелось заполучить письмо Кикаку, но он не решался об этом сказать вслух, однако Китэки проник в его тайные думы и сам подарил ему письмо.

С тех пор минули годы и однажды ученик Тантана, которого называли Бакутэн*, из Нанива пришел в Акита и некоторое время гостил там. Дзёсё, пленившись поэзией Бакутэна, приподнес ему письмо Кикаку. Спустя некоторое время Бакутэн приехал в Восточную столицу и нашел приют в каком-то бедном жилище у стен замка Янагибара. Он никогда не был богат, небольшие сбережения быстро иссякли, знакомых же в столице у него не оказалось, и помощи ждать было неоткуда, однако я в молодые годы свои не был лишен добрых намерений и всегда помогал попавшим в сети нищеты, во всяком случае, каждый месяц, не жалея усилий, созывал желающих испытать себя в нанизывании строф, для чего хлопотал на западе и на востоке, в барабан бил и в флейту дул, и мне удавалось собрать многих замечательных поэтов, таких, как Хадзин, Рито*, Рёва*, Годзяку*, иногда пришедших бывало так много, что травяная хижина едва не разваливалась. Бакутэн получил наконец возможность осуществить свое давнее желание и очень скоро стал учеником Мокусая Сэйга*, переименовав имя на Ихоку, а затем, благополучно сочинив десять тысяч строф, вошел в число ведущих поэтов хайкай. Имя его было увенчано славой, он почитался поэтами разных школ и пользовался большим влиянием. Желая отблагодарить старого друга за любовь и поддержку, Ихоку предложил мне то письмо Кикаку.

В твоём доме нет ценных вещей, — сказал я, — пусть же письмо это станет твоим «зеленым ковром»*. Как могу я его принять? Оно не принесет мне ничего, кроме волнений.

И я решительно отказался от письма. Потом я уехал из столицы, а Ихоку скончался. И где, в каком доме хранится теперь это письмо? Вот что интересно.

1777

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭТИЧЕСКОМУ СОБРАНИЮ СЮНДЭЯ*

Рю Корэкома, собрав воедино сочиненное покойным отцом его, попросил меня написать предисловие. Вот что я рассказал ему.

Как-то раз посетил я Сёха, именующего себя Сюндэем, в его доме в западном предместье столицы. Сёха спросил меня о хайкай. Отвечая, я сказал так:

... В хайкай ценнее всего, когда, к вульгарным словам прибегая, удаляешься от вульгарного. Самое трудное соблюдать это правило «удаление от вульгарного», в том заключающееся, чтобы от вульгарного удаляясь, к вульгарному же прибегать. Один дзэнский монах говорил: «услышь хлопок одной ладони»*. — Это и есть путь дзэн в хайкай, это и есть правило «удаления от вульгарного».

Сёха мгновенно прозрел. Затем спросил снова:

— Почтенный учитель изволил говорить об «удалении от вульгарного». Как ни темна суть сего правила, разве не должно самому поусердствовать, пытаюсь проникнуть ее? Но, может быть, есть кратчайший путь, когда удаляешься от вульгарного, меняясь незаметно и естественно — так, что и вчуже не уловить, и самому не уразуметь?

Отвечая, сказал:

— Такой путь есть. Надо читать китайские стихи-ши. Вот вы, например, с давних пор оказываете успехи в китайских стихах*. И иного пути искать нечего.

Усомнившись, Сёха спросил снова:

— Но ведь ши и хайкай отличны друг от друга по сути. А вы говорите — должно оставить хайкай и читать ши. Разве это не окольный путь?

Отвечая, сказал:

— У художников есть понятие «уход от вульгарного»*, вот оно: «В живописи, когда хочешь уйти от вульгарного, другого пути нет, кроме прилежного изучения книг. Тогда дух учености, начитанности воспарит, дух же рыночный, вульгарный — исчезнет. Изучающие живопись должны быть чрезвычайно осмотрительны». То есть даже в живописи — если хочешь избежать вульгарного, должно отложить кисть и погрузиться в изучение книг. А разве ши и хайкай настолько далеки друг от друга?

Тут Сёха понял. Но однажды спросил снова:

— Так повелось у мастеров хайкай с давних пор — каждый открывает ворота и двери, у каждого свой настрой. К кому же прибегнуть следует, чтобы проникнуть в тайное тайных?

Отвечая, сказал:

— В хайкай никто не открывает ни ворот, ни дверей, есть одни ворота, и имя им — хайкай. Вот и в учении о живописи говорится: «Творцы школы не открывают ворота, не устанавливают двери, ворота и двери сами собой возникают. Входи в любые»*. Точно так же и в хайкай. Из всех потоков черпая, собираешь в единый сосуд, затем, извлекая то, что тебе представляется пригодным, используешь сообразно обстоятельствам. И сам при этом в душе — удалось или нет? — рассудить должен, иного пути нет. Впрочем, и тогда, ежели не подберешь себе друзей-единомышленников и не станешь постоянно общаться с ними, достичь желаемого будет весьма мудрено.

Сёха спросил:

— Кто же эти люди, которых сделать своими друзьями должно?

Ответил:

— Разыщи Кикаку, наведай Рансэцу, повторяй за Содо, следуй за Оницура.* Ежедневно с ними четырежды почтенными старцами встречаясь, все дальше и дальше уходи от рыночного, городского, от славы и выгод, броди по лесам и садам, задавая пиры на склонах гор, возле водных потоков, браж-

ничай, коротая часы в шутливых беседах — стихи же пусть возникают сами. Так проводи день за днем. И однажды снова встретишь четырех почтенных старцев. Душа же твоя продолжает «наслаждаться уединением» и предаваться «прекрасным мечтам»*. Закрыв глаза, на стихе сосредотачиваешься, стих обретя, открываешь глаза. И видишь: исчезли четыре почтенных старца. Куда же удалились они, святых отшельников обличье приняв? Растерянный, стоишь один. Ветер веет ароматом цветов, лунный свет плавает в воде. Вот где священные пределы хайкай.

Сёха улыбнулся*.

В конце концов он примкнул к нашему поэтическому содружеству и много тысяч раз стихи извергались из его уст. И вот стал он снова порицать и отвергать Бакурина и Сико.*

Я сказал:

— Бакурин и Сико, как ни грубо порой звучат их стихи, умело передают чувства людей и облик мира. Поэтому иной раз и у них небесполезно перенять те или иные приемы. Поэты, сочиняющие китайские ши, разумеется, высоко ставят Ли Бо и Ду Фу. Но ведь они не отбрасывают и Юань Чжэня* с Бо Цзюйи, их примеру и должно следовать.

Сёха сказал:

— Учитель, не вводи меня в заблуждение, не принуждай надевать личину просветленного. Художники злыми гениями живописи почитают У Вэя и Чжан Пиншаня.* А Бакурин и Сико — злые гении хайкай, не более.

Так, понося Сико и Бакурина, Сёха продвигался вперед, не сворачивая на окольные пути, и, в конце концов, достиг высших пределов хайкай. Но, увы. Раз заболев, не смог он оправиться, с каждым днем все более спадал с лица, от целебных же снадобий отказывался. Однажды, предвидя, что близится его последний срок, он призвал меня и, сжав мою руку, сказал:

— Досадно мне, что не смогу вместе с учителем продвигаться от нового к новому.

Едва договорив, заплакал горько и тут же вернулся к желтым истокам*. Я же, трижды возрыдав, возопил:

— Мои стихи удалились на Запад*, мои стихи удалились на Запад!

Все вышеизложенное было когда-то записано мной в тетради под названием «Беседы за полночным чаем». Тетрадь эта постоянно лежит на моем столе, в нее я записываю разнообразнейшие споры-беседы со многими людьми. Почему же именно эту запись без всяких изменений я решил сделать предисловием к собранию трехстиший Сёха? Причина в том, что прочитавшим ее откроется чистота звучания и свобода Сёха, равно как и его человеческие качества, и они сумеют оценить подлинность его поэзии. И понять, что Сёха вовсе не овца, натянувшая на себя шкуру тигра.

*В Полночной беседке написал
шестидесятилетний старец Бусон*

1777

Почтенный Соа*, мой покойный учитель, будучи в мастерстве преемником старца из Снежной хижины*, стоял рядом с Хякури и Кимпу,* и были они, словно три ножки бронзового сосуда: вместе новый смысл выявляли и на поприще хайкай увенчаны были редкостной славой, в ту пору многие были обеспокоены тем, что всякий стремился подражать их манере. Все трое обрели — каждый своих — последователей, словом, вряд ли стоит подходить к ним с общими мерками.

Учитель Соа в те давние времена жил в Эдо на улице Кокутё, в бедном домике с видом на высокую колокольню, там он наслаждался уединением и покоем среди городской суеты и там, белыми от инея ночами, когда он просыпался, разбуженный ударами колокола и, одолеваемый старческой бессонницей, предавался печальным размышлениям, мы часто беседовали с ним о хайкай, когда же я заговаривал вдруг о каких-нибудь несообразностях этого мира, он неизменно закрывал уши и изображал старческое слабоумие. Да, это был истинно благородный старец.

Однажды ночью, сев прямо, учитель, увещевая меня, сказал:

— Идущим по пути хайкай не следует упорно цепляться за каноны учителя. Меняясь вслед за мгновением, подчиняя себя мгновению, должно

отдаваться внезапному порыву, не оглядываясь на прошлое и не обращая взора к будущему.

Одного удара палкой* Учителя оказалось довольно, чтобы у меня открылись глаза, и я уразумел, в чем свобода хайкай.

Поэтому ныне, наставляя учеников своих, я говорю им, что бессмысленно следовать за почтенным Соа с его широтой души, а надобно устремиться к саби и сиори* старца Басё, то есть вернуться в прошлое. Иначе говоря, внешне ты вроде бы идешь против учителя, но это ложное, на самом-то деле внутренне ты находишься с ним в соответствии, и это — истинное. Это-то и называется путем дзэн в хайкай или способом передачи от сердца к сердцу. Неразумные люди часто судачат о том, что, мол, это страшный грех — идти против учителя. Вот и это собрание нанизанных строф, из двух свитков состоящее, далеко от саби-сиори, все стихи от первого до последнего написаны в манере почтенного Соа, и, почтительно возложив это собрание к его поминальной табличке, мы словно переносимся к тому далекому дню, когда в тридцатый раз поминали ушедшего, и представляем себе, будто учитель наш с нами. Об этом и хотел я заявить от имени всех учеников.

1774

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «САБИ-СИОРИ»

Итак, дорога, ведущая к хайкай, разветвляется на тысячи тропок — право, непросто отделить одну от другой нити кудели в скудно освещенной бедной хижине и много здесь такого, что и не примешь сразу — непросто извлечь сети из моря в бурную погоду. Вот, что, к примеру, говорил старец Басё: «Даже тогда, когда слова близки к тому, чтобы быть вульгарными, дух должен неуклонно стремиться к просветлению». Что это — незыблемое убеждение, коему следовать должно как единственному правилу? Или же эти слова были сказаны для того, чтобы показать, сколь трудно сочинять стихи, не проникнув в тайну саби-сиори? В самом деле, суть учения Басё именно в этих словах и содержится, и иного, вероятно, искать нечего. Люди простые понимают саби — только как сабий — «печальный», а сиори, по их разумению, слово, определяющее гибкость, изящество стиха, и можно ли считать это толкование ошибочным? Такие вещи весьма мудрено объяснить словами, в них следует проникать сердцем. Беседовать же с тем, кто проник в сокровенное, столь отраднo, что перестаешь думать о неумолимо приближающейся старости и забываешь о своем великом назначении в будущих рождениях. Мой друг, благочестивый Ханай, желая, чтобы таких собеседников было побольше, не упускал случая, чтобы разъяснять суть саби-сиори,

а поскольку слишком трудно было сохранить в тайне начертанное его благородной кистью, один из книжных лавочников вскоре узнал о его записках и, быстро напечатав книгу, распространил по миру. И те, кто увидят ее, пусть отнесутся к ней с должным почтением — о чем предупреждает вас Бусон из хижины Лиловой лисицы*.

1776

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗБРАННОМУ СОБРАНИЮ РОИНА*

Рассказывают, что давным-давно в Тамба жил старик, у которого был большой драгоценный камень. Камень словно светился изнутри, никаких слов не доставало, чтобы описать его красоту. Один человек и говорит: «Продай мне камень за сотню канов*». Старик же подумал: «Ежели увеличить блеск камня, цена его возрастет неизмеримо». И отказался продавать камень за сто канов. И вот, денно и ночью шлифовал он камень, как вдруг обнаружился в нем небольшой изъян. Старик огорчился, но продолжал шлифовать, однако изъян все увеличивался, а сам камень скоро стал величиной с фасолинку. И даже тот человек, который когда-то хотел купить этот камень, словно забыл дорогу к его дому. Рассказал же я об этом к тому, что ученики Тайро, вознамерившись выпустить в

свет рукописи, оставшиеся после смерти своего учителя, обратились ко мне с просьбой о предисловии. Вот, что я им сказал: «Я не советую вам публиковать эти рукописи. Посмертное собрание произведений поэта, чье имя было у всех на устах, может наоборот повредить его прижизненной славе, таких случаев было немало. Тайро всегда называли великим поэтом Сэтцу, Харима и столицы, среди поэтов нашей школы он сверкал словно драгоценный камень. Лучшие его стихи всем знакомы и любимы всеми без исключения. Разве кто-нибудь ждет появления других? Право же, не стоит публиковать его рукописей, не уподобляйтесь тому старцу с драгоценным камнем». Однако ученики не послушались. Тайком собрали они все, рукою их учителя написанное, поручили Кито выверить рукописи и довели дело до того, что половина их уже на досках. И вот они снова просят у меня предисловия. Разумеется, тут уж ничего не остается, как согласиться. Взял я у них рукопись и тщательно ее прочел. Прочтя же, восхитился и сказал так: «Рукопись эту непременно издать должно. Пусть люди прочитают эти стихи и оценят их совершенство. Тайро заслуживает того, чтобы посмертная слава заставила талант его сверкать еще большим блеском». Ученики, улыбнувшись, вышли. Я же решил все вышеизложенное сделать предисловием к сборнику.

1779

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ «ПЕРСИКИ И СЛИВЫ»

Когда же это случилось? Было собрание из четырех свитков, четырех времен года. «Весна» и «Осень» пропали. «Лето» и «Зима» остались. Один человек вознамерился перенести свитки на доски. Другой воспротивился, говоря:

— С тех пор, как появилось это собрание, много лун и лет прошло, оно давно отстало от течения времени.

Я, улыбнувшись, ответил:

— Свобода и размах поэзии хайкай таковы, что для нее с одной стороны существует течение времени, а с другой — оно отсутствует. Это все равно как догонять человека, бегущего по кругу. Тот, кто бежит впереди, словно наоборот догоняет отставшего. Так и с течением времени — чем руководясь различать станешь, что впереди, а что позади? Просто каждый день выражаешь в словах чувства, в душе возникающие, и создаешь сегодня — сегодняшние стихи, завтра — завтрашние. Назовите же собрание — «Момосумомо» — «Персики и сливы». Что с начала читай, что с конца — получается одно и то же.* В этом — суть сего собрания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Р Э Н К У

連 句 編

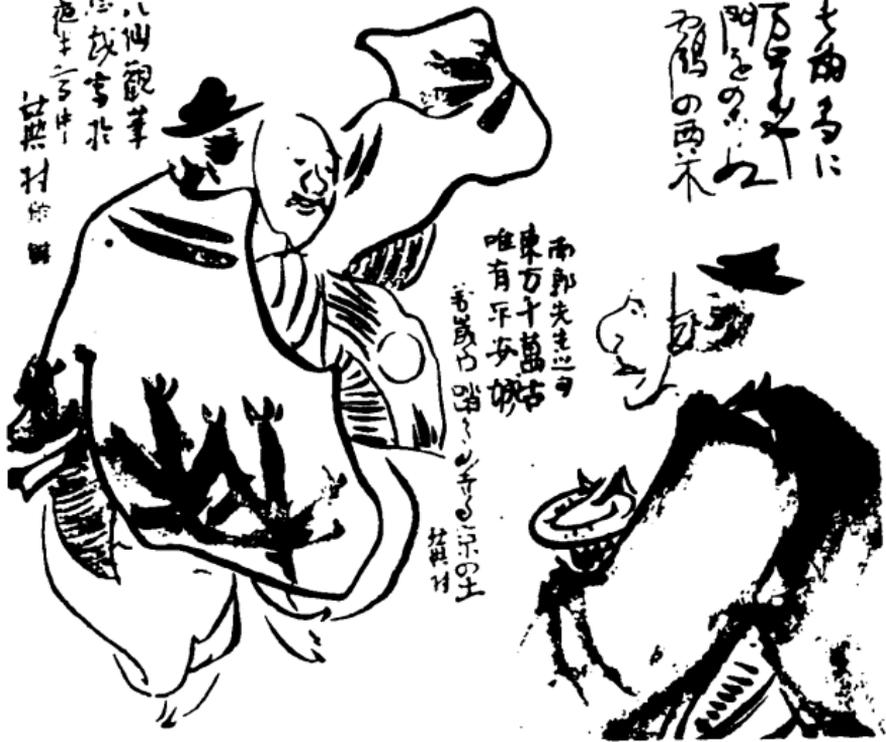
七角子に
万中の一
阿のふら
お鶴の西木

兩郎先生に
東方十萬古
唯有平安城

香原の踏
お鶴の土
お鶴村

お八仙觀筆
お鶴の書
お鶴の書

お鶴村

НАНИЗАННЫЕ СТРОФЫ (РЭНКУ)

Поэзия «нанизанных строф» («рэнга») возникла в Японии в XIII веке, когда пятистишие «танка», прежде занимавшее в японской поэзии господствующее положение, стало вполне ощутимо распадаться на две строфы — трехстишие (с чередованием слогов 5-7-5) и двустиишие (7-7). К этому своеобразному поэтическому жанру можно отнести классический вариант «нанизанных строф» — собственно «рэнга» и более поздний вариант — «хайкай-но рэнга», иначе «рэнку», к которому и относится поэтический цикл «Опадает пион...».

«Нанизанные строфы» сочинялись обычно двумя или несколькими поэтами: один сочинял трехстишие, второй добавлял к нему двустиишие, к которому в свою очередь присоединялось новое

трехстишие и т. д. — в результате возникала цепь трехстиший и двустиший, из которых каждое было связано с предыдущим и последующим, составляя с ними пятистишия. Один такой цикл состоял, как правило, из ста или тридцати шести стихотворений. Искусство «нанизывания строф» подчинялось строгим канонам и правилам. Например, в первых шести строфах запрещалось говорить о любви, болезнях, в определенных строфах полагалось упоминать «луну» и «цветы», в определенных строфах следовало менять время года, причем «зима» и «осень» могли фигурировать только в двух следующих друг за другом строфах, а «весна» и «осень» должны были возникать по меньшей мере в трех разных местах и т. п. Авторам предписывалось по возможности разнообразить содержание строф, избегая монотонности и повторений. Партнеры могли вести подспудную борьбу, и зачастую именно она становилась объектом внимания знатоков, придавая особую напряженность и динамичность этому жанру. Можно было создать для партнера неблагоприятные условия, не давая ему возможности перейти к теме, к которой он должен перейти, согласно правилам, или, наоборот, облегчить ему этот переход — искусство мастера «нанизанных строф» заключалось в умении быстро реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию, чутко улавливая ее скрытые возможности и раскры-

вая их так, чтобы неожиданность и новизна сочетались со строгим следованием канону.

Сочетание импровизации с каноном --- пожалуй, и является главной особенностью этого поэтического жанра. Каждая новая строфа выводит на передний план какую-нибудь новую деталь, до этого момента остававшуюся вне поля зрения партнеров, и эта деталь становится толчком, побуждающим воображение партнера к разворачиванию той или иной картины. Естественно, что таких картин могло быть множество, один поворачивал тему так, другой --- иначе, непредсказуемость каждого нового шага и придавала особенную напряженность процессу «нализывания строф». Именно внутри этого жанра и сложилась традиция домысливать, дополнять, откликаться на малейший намек, создавать яркий образ, отталкиваясь от конкретной детали.

Первое трехстишие цикла называлось «хокку» (буквально --- «начальная строфа»). Долгое время оно не имело самостоятельного значения и существовало только в виде составной части «нализанных строф». Однако ему с самого начала уделялось особое внимание --- ведь именно оно давало толчок разворачиванию цепи образов, в нем, как в нераспустившемся бутоне, должен был заключаться будущий цветок всего цикла. Почетное право сочинить «хокку» предоставлялось лишь самым уважаемым мастерам. Только это на-

чальное трехстишие и могло сочиняться, и очень часто действительно сочинялось, заранее, иногда задолго до того, как начинался сам процесс «нанизывания строф». Возможно, именно это особое положение «хокку» и привело к тому, что постепенно «начальные» трехстишия стали рассматриваться как самостоятельные произведения, во всяком случае уже с начала XVI века начали появляться сборники, состоявшие из одних «хокку». (Кстати, после того, как «хокку» обрело самостоятельность, первую строфу цикла «нанизывания строф» перестали называть «хокку» и дали ей новое название — «татэку».)

В ходе развития поэзии «нанизанных строф» сложились и правила, определившие композиционные, ритмические и прочие особенности «хокку». В частности, «хокку» полагается иметь «режущее слово» («кирэджи»), то есть какую-нибудь грамматическую частицу, которая либо, находясь после первого или второго стиха, обеспечивает цезуру, разбивающую трехстишие на две части, либо, находясь в конце, придает ему грамматическую завершенность, таким образом организуя стихотворение грамматически и интонационно. Второй неперенный атрибут «хокку» — «сезонное слово» («киго»), обеспечивающее соотношенность «хокку» с определенным временем года (если в стихотворении есть слово «слива», то речь

идет о весне, если «гроза» — о лете и т. д. Списки «сезонных слов» уточняются и пополняются и в настоящее время).

* * *

Цикл «Опадает пион...» был опубликован в 1780 году в сборнике «Персики и сливы» («Момосумо»), предисловие к которому написал сам Бусон (см. перевод в разделе Проза). Авторами цикла были Бусон и его ученик Кито. Известно, что цикл создавался ими с третьего по одиннадцатый месяц 1780 года. Начальная строфа цикла («хокку») «Опадает пион...» была сочинена Бусоном в 1773 году.

1. Хокку

Опадает пион —
Упал лепесток, на него —
Второй, третий.

Бусон

Начальное трехстишие цикла принадлежит к разряду так называемых «пейзажных строф» («ба-но ку»). Бусон несколькими лаконичными штрихами намечает пейзаж, предоставляя своему партнеру возможность дополнять и расширять его. Взгляд фиксируется на пышной цветке пиона, находящегося на грани расцвета и увядания.

Медленно падающие, лежащиеся друг на друга лепестки создают ощущение замедленного мгновения, они как бы сняты замедленной съемкой. (Вообще внешнее движение образов «нанизанных строф» можно сравнить с движением кинокамеры, которая от кадра к кадру фиксирует внимание на отдельных деталях одной общей картины.) В трехстишии определяется исходное время цикла (сезонное слово «пион» — лето).

2. Вакику

Двадцать дней четвертой луне,
Бледный предугранный свет.

Кито

Вторая строфа сохраняет время года, данное в «хокку». (Сезонное слово «четвертая луна» относится к разряду летних.) Эта строфа тоже «пейзажная», в ней уточняется время: двадцатое число четвертого месяца (дата эта к тому же содержит намек на пион, который иногда называют «цветком двадцатого дня» — «хацукагуса»), конкретизируется место (в трехстишии Бусона нет никаких указаний на то, где находится пион — то ли он растет в саду, то ли стоит в вазе, и Кито делает выбор в пользу сада). В результате намеченная Бусоном картина обогащается новыми нюансами: на опадающие лепестки пиона струится блед-

ный свет предутренней луны, а этот лунный свет в воображении подготовленного читателя непременно свяжется со сверкающими на лепестках росинками, символом быстротечности всего живущего в этом мире.

3. Дайсан

Покашливая,
Выходит из дома старик.
Ворота открыть?

Кито

В третьей строфе цикла полагается делать поворот в развитии темы. Обе предыдущие строфы были «пейзажными», эта же вводит в пейзаж человека. Строфа принадлежит к разряду «описывающих дела человеческие» («ниндзи-но ку») (иначе она называется «описывающая чувства человеческие» — «ниндзё-но ку»). Такие строфы бывают двух типов — «субъективные», когда героем является сам автор, от лица которого и изображаются эти «дела» или «чувства», и «объективные», когда автор описывает происходящее как бы со стороны, от третьего лица (именно к этой разновидности и принадлежит трехстишие Кито). В третьей строфе отсутствует сезонное слово, то есть время года не обозначено.

4. Ёнкумэ

Там, за воротами --- фея:
«Где здесь суженый мой?»

Бусон

Четвертая строфа подхватывает и развивает тему предыдущей, она также не имеет сезонного слова, а следовательно, не соотносится с определенным временем года. Согласно канону, эта строфа должна иметь неопределенно-промежуточный характер, облегчая переход к следующей, но Бусон нарушает традицию, неожиданно перенося действие в свой любимый сказочный мир.

5. Гокумэ

В ствол эноки ---
Сколько веков росло оно здесь? —
Вонзаю топор...

Бусон

Пятая строфа цикла развивает сказочно-чудесную тему предыдущей строфы. Старые деревья всегда считались в Японии священными, в них обитали духи, и человек, посмеявшийся срубить такое дерево, неминуемо навлекал на себя их гнев. Выбирающая жениха фея предыдущей строфы переосмысливается как дух дерева эноки. В этой строфе, которая, как и предыдущая, лишена соотне-

сенности с определенным временем года, Бусон, для того чтобы избежать монотонности, меняет авторскую позицию: если в предыдущей строфе события описывались со стороны, то главным действующим лицом этой является сам автор.

В пятой строфе, согласно канонам «рэнку», должна появиться «луна», но поскольку о луне идет речь во второй строфе, Бусон позволяет себе отойти от канона. Не совсем традиционно и грамматическое строение строфы. По правилам пятая строфа должна заканчиваться глаголом в предположительно-вопросительной форме, но поскольку Кито уже применил этот прием в третьей строфе, Бусон решает придать строфе грамматическую незаконченность, обычно свойственную третьей строфе. (В результате строфы как бы меняются местами.)

6. Роккумэ

Преодо мной — путь длиною в сто ри,
Где приют обрету, не ведаю.

Кито

В шестой строфе Кито дает свое толкование содержанию пятой, переосмысливая ее, как событие, мельком увиденное странником по дороге. Тема опять раскрывается от первого лица, только на этот раз уже не от лица человека, вознамерив-

шегося срубить дерево эноки, а от лица проходящего мимо странника.

Шестая строфа является последней в группе так называемых «лицевых строф». Строфы писались обычно на двух, дважды сложенных, листках бумаги — шесть строф писалось с верхней лицевой стороны («сёомотэ»), двенадцать — с оборотной («сёура»), двенадцать — с лицевой стороны второго листка («нагори-но омотэ») и шесть — с оборотной стороны второго листка («нагори-но ура»).

7. Сёура-но иккумэ

О песенных тропах
Грежу, едва оправившись
От лихорадки.

Кито

Седьмая (или первая оборотная) строфа продолжает тему странствия, раскрывая личность героя шестой строфы — странствует поэт, который стремится к «песенным тропам», то есть хочет пройти по местам, воспетым древними поэтами. Сезонное слово «лихорадка» показывает, что действие происходит летом.

8. Сёура-но нукумэ

А на полях по склонам
Уже первый срезают рис.

Бусон

В восьмой (или второй оборотной) строфе тема странствия получает дальнейшее развитие, к тому же в ней происходит смена времен года (кицури): «срезают рис» обычно осенью. Пять предыдущих строф описывали «человеческое», эта строфа является «пейзажной».

9. Сёура-но санкумэ

Под вечерней луной
Летит куда-то синица,
Отбившись от стаи.

Кито

Девятая (или третья оборотная) строфа тоже «пейзажная», в ней осенний сельский пейзаж, намеченный предыдущей строфой, обретает новые черты. Над разбросанными по горным склонам полями в лунном свете летит отбившаяся от стаи одинокая синица — эти птицы появляются в Японии осенью и держатся поближе к жилью. Луна должна во второй раз появиться только в четырнадцатой (в восьмой оборотной) строфе, но поскольку она и в первый раз появилась раньше положенного (не в пятой строфе, а во второй), то и здесь она возникает с опережением.

10. Сёура-но ёнкумэ

Один, осенним объятый унынием,
Стою, прислонившись к двери.

Бусон

В десятой (четвертой оборотной) строфе в осенний пейзаж, данный в двух предыдущих строфах, вводится человек: стоя у двери, он смотрит на крестьян, убирающих рис на горных склонах, на летящую по небу синицу, и этот пейзаж рождает в его душе щемящую грусть.

11. Сёура-но гокумэ

Лекарство —
Такое горькое — выпил,
Зажмурил глаза.

Кито

В одиннадцатой (пятой оборотной) строфе Кито дает новую трактовку чувствам героя: уныние, им овладевшее, объясняется уже не приходом осени, а болезнью. Время года не обозначено.

12. Сёура-но роккумэ

Вернуть бы в Таэма скорее
Платок, а с ним — письмецо.

Бусон

В двенадцатой (шестой оборотной) строфе Бусон развивает тему болезни, события по-прежнему изображаются от первого лица. Больному прислали с родины, из местечка Таэма, посылку — какие-то гостинцы или лекарство, завязанные в

платок-фуросики, и он спешит отослать этот платок обратно, вложив в него благодарственное письмо. После девятой (третьей оборотной) строфы принято переходить к любовной теме, но поскольку девятая строфа содержит упоминание о луне, авторы, очевидно сочтя соседство «луны» и «любви» слишком громоздким, решили повременить с любовью. Тем не менее слово «письмо» возникает в этой строфе не случайно — письмо всегда в японской поэзии связано с любовными отношениями, как видно, Бусон хочет напомнить своему партнеру, что пора переходить к теме любви.

13. Седьмая оборотная строфа

Из соседнего дома
До сих пор доносится голос
Торговца маслом.

Кито

Поскольку в трех предыдущих строфах шла речь о человеческих чувствах, причем везде чувства эти изображались от первого лица, Кито посчитал, что пора изменить характер строфы и ввел нового персонажа — торговца маслом. С этим торговцем маслом герой предыдущих трех строф и хочет, по всей вероятности, отправить письмецо в Таэма, но тот, увлекшись беседой с соседями, не спешит.

(По-японски «торговать маслом» — «абура-о уру» — значит еще и «бить баклуши».) Время года по-прежнему не обозначено.

14. Сёура-но хаккумэ

На глубокий — в три сяку — снег
Опустились вечерние сумерки.

Бусон

В четырнадцатой (восьмой оборотной) строфе делается переход от «человеческого» к «пейзажному» (до сих пор было наоборот), при этом поле зрения расширяется: дом соседей, из которого доносится голос торговца маслом, вводится в зимний пейзаж. Как уже говорилось, по канону в этой строфе должна появиться луна, но она возникла на несколько строк раньше. («Сяку» — мера длины, 30,3 см.)

15. Сёура-но кюкумэ

Рыщут вокруг —
Как бы в дом какой не залезли —
Голодные волки.

Кито

Пятнадцатая (девятая оборотная) строфа продолжает развивать тему двух предыдущих. (По законам той школы, к которой принадлежал Бу-

сон, одну тему было положено развивать на протяжении трех строф.) Снежный вечерний пейзаж, приглушающий голос торговца маслом, наводит на мысль о подкрадывающихся к жилью волках. Сезонное слово «волки» показывает, что действие по-прежнему происходит зимой.

16. Сёура-но дзюкумэ

А дома плачет кривая жена
Одна и ночью, и днем.

Бусон

В шестнадцатой (десятой оборотной) строфе Бусон дает понять, что героем предыдущей строфы является скорее всего охотник. Вынужденный охранять окрестных жителей от диких зверей, он редко бывает дома, и некрасивая жена его, коротая дни и ночи в одиночестве, все время плачет. Строфа опять относится к разряду «о человеческом», но меняется точка зрения: на этот раз события описываются от третьего лица. Время года не обозначено.

17. Сёура-но дзюикку

Поднятие колокола.
В храме под сенью цветущих вишен
Постриг приму...

Кито

В семнадцатой (одиннадцатой оборотной) строфе развивается тема нелюбимой жены, которая в конце концов решает стать монахиней и принимает постриг в день церемонии поднятия храмового колокола, в пору цветения вишен. События описываются от первого лица, то есть от лица самой жены. Таким образом, на протяжении трех строф трижды меняется точка зрения: сначала говорит охотник, потом автор и, наконец, — жена охотника. В этой строфе канон предписывается упоминать о цветах. Время года — весна.

18. Сёура-но дзюникумэ

Солнце весеннее к западу
Склоняется неторопливо.

Бусон

Три предыдущие строфы были «о человеческом», поэтому восемнадцатую (двенадцатую оборотную) строфу Бусон делает «пейзажной». Взгляд с храма, в котором героиня предыдущих строф постриглась в монахини, переводится на окружающий пейзаж. Образ склоняющегося к западу солнца соединяется с образом новопостриженной монахини, мысли которой тоже отныне будут стремиться к Западу, туда, где находится Чистая земля, царство Будды Амиды, буддийский рай. В строфе не делается никакого нового пово-

рота, в ней лишь уточняется содержание предыдущей. Такие строфы называются «уточняющими» («асираи-но ку»). Время года остается прежним — весна. Это последняя строфа на обороте первого листка.

19. Нагори-но омотэ-но иккумэ

Звенит тетивой
Лук правителя Ното где-то в дали,
Затянутой дымкой.

Бусон

В девятнадцатой строфе (или первой строфе второй лицевой стороны) образ клонящегося к западу солнца переосмысливается как образ легендарного правителя Ното, несокрушимого Тайра Норицунэ, бросившегося в морские волны во время битвы при Данноура (1185), когда род Тайра потерпел окончательное поражение в долгой войне с родом Минамото (см.: Повесть о доме Тайра. М., 1982. С. 530). Сезонное слово «дымка» — весна.

20. Нагори-но омотэ, никумэ

Гадальщик гадает украдкой,
Что сулит нам грядущий день?

Кито

В двадцатой строфе (или во второй строфе второй лицевой стороны) Кито развивает истори-

ческую тему, намеченную в предыдущей строфе. Звуки битвы, прозвучавшие в трехстишии Бусона, дополняются образом гадалщика, вопрошающего об исходе битвы. (Звоном тетивы в древние времена отгоняли злых духов, поэтому переход от звона тетивы к гадалщику вполне логичен. Ассоциативная связь существует также между словами «в дымке» и «украдкой».) Строфа не соотносится с определенным временем года.

21. Нагори-но омотэ, санкумэ

«Упала

Там лошадь с мешками проса» ...

Птиц разговор...

Бусон

Связь между двадцатой строфой и двадцать первой (или третьей строфой второй лицевой стороны) обнаружить не так-то просто, она представляет собой весьма сложную цепь ассоциативных образов. Фигура гадалщика, возникшая в двухстишии Кито, наводит Бусона на мысль о способности некоторых людей понимать птичьи голоса и по ним догадываться о грядущих событиях. (Возможно, Бусон вспомнил легенду об ученице Конфуция, которая благодаря умению понимать птичьи голоса могла предсказывать стихийные бедствия.) Гадалщик, таким образом, ста-

новится предвестником будущих бед, о которых можно догадаться, подслушав разговор птиц. Строфа относится к разряду «пейзажных», время года не обозначено.

22. Нагори-но омотэ, ёнкумэ

Цветут, осыпаются ясени,
Тропинка бежит меж полей.

Кито

Будучи связанной сложной ассоциативной связью с образом гадалщика, предыдущая двадцать первая строфа одновременно намечает новый пейзаж — перед нами возникает сельская дорога, по которой идет груженная просом лошадь, и двадцать вторая строфа (или четвертая строфа второй лицевой стороны), взяв за основу именно этот пейзаж, расширяет его, дополняя новыми подробностями. Определяется и время года — лето (сезонное слово — «цветущий яшень»). Таким образом, замыкается круговорот времен года: цикл начался с «лета», после «лета» была «осень», затем «зима», «весна» и вот — снова «лето».

23. Нагори-но омотэ, гокумэ

Радуга.
Разрывая дугу, над вершиной Асама
Струится дымок.

Бусон

В двадцать третьей строфе (или пятой строфе второй лицевой стороны) ближний план пейзажа, нарисованный в предыдущей строфе, дополняется дальним: на первом плане тропинка меж полей с разбросанными по ней светло-лиловыми цветами ясеня, на втором — дуга радуги, к которой поднимается дым от вулкана Асама. Время остается прежним — лето (сезонное слово — «радуга»). Если предыдущая строфа была статична, то в этой возникает движение — поднимающийся к небу дым от вулкана, — которое как бы подготавливает к появлению в следующей строфе «человеческого» элемента.

24. Нагори-но омотэ, роккумэ

Гонца Государя принять на ночлег —
Честь выпала нашему дому!

Кито

В двадцать четвертой строфе (или шестой строфе второй лицевой стороны) совершается подготовленный предыдущей строфой переход от «пейзажного» к «человеческому». Кито снова сужает поле зрения, перенося внимание со всего пейзажа на отдельную его точку — человеческое жилище — и раскрывая мысли хозяина этого жилища. Время года не обозначено.

25. Нагори-но омотэ, нанакумэ

Богатый улов.
В тачке рыбы полным-полно.
Красные брюшки.

Бусон

В двадцать пятой строфе (или седьмой строфе второй лицевой стороны) развивается тема приема высокого гостя, для которого вряд ли можно найти лучшее угощение, чем «краснобрюхая рыба» (старинное название горбуши, брюшко которой краснеет во время нереста).

Ассоциация между словами «гонец государя» и «горбуша» обусловлена тем, что в старину существовал обычай присылать горбушу к новому императорскому столу. Строфа относится к разряду уточняющих. Время не обозначено.

26. Нагори-но омотэ, хаккумэ

Солнце светило, но вот — еще миг —
И град застучал по земле.

Кито

Двадцать шестая строфа (или восьмая строфа второй лицевой стороны) тоже «пейзажная», она уточняет время предыдущей. «Град» — сезонное слово, показывающее, что действие происходит зимой. Некоторые исследователи полагают, что

слово «град» введено в эту строфу по ассоциации со словом «брюшко рыбы». По-японски «град» — «арарэ», так же называется рыба, которая во время града выплывает на поверхность воды и переворачивается вверх брюшком, подставляя его под град, отсюда — ассоциативная цепь: брюшко рыбы — рыба «арарэ» — град.

27. Нагори-но омотэ, кюкумэ

Сердцу любезный,
Появись же скорее, отрок!
Освященье часовни.

Бусон

Двадцать седьмая строфа (или девятая строфа второй лицевой стороны) в пейзаж, намеченный в предыдущей строфе, вводит человека. Человек этот присутствует на церемонии освящения часовни, надеясь во время праздничного шествия увидеть мальчика, который скорее всего является предметом его сердечной привязанности. Время не обозначено. Строфа может быть отнесена к разряду любовных.

28. Нагори-но омотэ, дзюкумэ

Ну вот, испортил прическу —
Что за грубый мужлан!

Кито

В двадцать восьмой строфе (или десятой строфе второй лицевой стороны) Кито развивает любовную тему предыдущей строфы, но делает неожиданный поворот. Если в предыдущей строфе речь шла скорее всего о любви мужчины к мальчику, то героиней этой является девочка, которая на празднике с нетерпением ждет появления своего юного возлюбленного и недовольна тем, что какой-то прохожий задел ее прическу. Строфа относится к разряду «о человеческом», время не обозначено.

29. Нагори-но омотэ, дзюиккумэ

Не покладаем рук
Даже во время недолгой тьмы
Шестнадцатой ночи.

Бусон

В двадцать девятой строфе (или одиннадцатой строфе второй лицевой стороны) снова переосмысливается ситуация предыдущей строфы: действие из храма переносится в человеческое жилище, обитатели которого заняты повседневными трудами. В этой строфе, согласно канону, в третий раз должна появиться луна, и она действительно появляется — луна шестнадцатой ночи, выходящая на небо значительно позже полной луны, чем и пользуются персонажи трехстишия, торопясь до появления луны доделать все свои дела. Как раз в

этой-то суете и происходит инцидент с прической. Время — осень (сезонное слово — «луна»). В строфе совершается отход от любовной темы и возвращение к предыдущей теме, этот прием называется «поворот колеса» («ринэн»).

30. Нагори-но омотэ, дзюнику

Отбивают вальками шелк
И в Бамба, и в Мацумото.

Кито

В тридцатой строфе (последней, двенадцатой строфе второй лицевой стороны) развивается та же тема, что и в предыдущей, но меняется угол зрения: на этот раз происходящее описывается от третьего лица. Кито уточняет, чем именно заняты персонажи трехстишия Бусона — они отбивают шелк, и даже в шестнадцатую ночь, когда принято любоваться луной, не покладая рук трудятся до самого появления луны. Бамба и Мацумото — районы к востоку от Оцу, где было сосредоточено производство шелка. Время — осень (сезонное слово — «вальки»). На этой строфе заканчивается вторая лицевая сторона.

31. Нагори-но ура, иккумэ

Скорее бы в путь,
Да второго носильщика нет.
Осенний дождь.

Кито

В тридцать первой строфе (первой строфе второй оборотной стороны) Кито углубляет атмосферу осеннего уныния и одиночества, намеченную в предыдущей строфе. Героем трехстишия является человек, остановившийся в маленькой гостинице в Бамба или Мацумото, он хочет продолжать путь, но в бедной гостинице не хватает носильщиков для паланкина, и, вынужденный задержаться, он с тоской глядит на осенний дождь. Время — осень (сезонное слово — «осенний дождь»).

32. Нагори-но ура, нукумэ

Вдалеке — ястреб и ворон.
Отвернувшись, сидят неподвижно.
Бусон

В тридцать второй строфе (второй строфе второй оборотной стороны) Бусон пытается снять напряжение, вызванное преобладанием «человеческого» в пяти предыдущих строфах, и вводит пейзаж: взгляд человека, глядящего на дождь, останавливается на фигурах сидящих птиц. Время не обозначено.

33. Нагори-но ура, санкумэ

Насыляет порчу
Молельня в полях, но исполнены святости
Древние стены...

Кито

Тридцать третья строфа (третья строфа второй оборотной стороны) дополняет картину, намеченную в предыдущей строфе: взгляд с птиц переносится на маленькую молельню в полях, которая выглядит очень внушительно, хотя и пользуется недоброй славой. (Возможно, и птицы смотрят в другую сторону, опасаясь порчи.) Строфа также принадлежит к разряду «пейзажных», время не обозначено.

34. Нагори-но ура, ёнкумэ

Похоже, что в этой тяжбе
Гэмба уже проиграл.

Бусон

Тридцать четвертая строфа (или четвертая строфа второй оборотной стороны) подхватывает тему порчи: не исключено, что Гэмба проигрывает в тяжбе именно потому, что навлек на себя немилость богов, обитающих в молельне. (Слово «Гэмба» толкуется по-разному, некоторые считают, что имеется в виду человек по фамилии Гэмба, другие полагают, что речь идет о служащем ведомства Гэмбарё, ведавшего приемом иностранных гостей и храмами — таким образом слово «гэмба» оказывается ассоциативно связанным с молельней из предыдущей строфы.) Время не обозначено.

35. Нагори-но ура, гокумэ

Не до цветов!
Горстка риса да плошка похлебки
На постоялом дворе.

Бусон

Тридцать пятая строфа (или пятая строфа второй оборотной стороны) произносится как бы от лица того самого Гэмба, о котором шла речь в предыдущей строфе. Живущий на постоялом дворе в ожидании окончания судебного разбирательства, он жалуется на то, что несмотря на самый разгар цветения вишен вынужден проводить дни в суде и довольствоваться весьма скромной пищей, которую можно получить на постоялом дворе. В этой строфе должны появиться цветы вишни, соответственно и время — весна. По правилам чередования участников, это трехстишие должно было быть сложено Кито, но поскольку именно Кито принадлежит первое стихотворение о цветах в этом цикле, автором этой строфы стал Бусон. (Согласно канону, о луне и о цветах можно было сложить только по одной строфе.)

36. Нагори-но ура, роккумэ, агэку

Совсем еще светлое небо,
И россыпь весенних огней.

Кито

Последняя, тридцать шестая строфа цикла (шестая строфа на обороте второго листка) вводит предыдущую строфу в пейзаж. В ней не содержится ничего нового, она лишь уточняет, дополняет предыдущую. Последняя строфа цикла обязательно должна быть весенней и несколько облегченной по своему содержанию, при этом не рекомендуется придавать ей печальный оттенок и использовать слова из начальной строфы. В данном случае цикл заканчивается на тихой светлой ноте весеннего вечера.

ПРИМЕЧАНИЯ

山
初
田
大
豊

和
山
初
田
大
豊

和
山
初
田
大
豊

印

ХОККУ

С. 22. *Юношей нежным // Обернулась ловко лисица.* — И в Китае, и в Японии лисы были одними из самых распространенных сказочных персонажей. Принимая разные обличья (часто юных красавиц), они морочили людей.

С. 23. *Весна... Но такая ль, как прежде?..* — Бусон цитирует знаменитое пятистишие японского поэта IX века Аривара Нарихира: «Такая ль луна? // Такая ль весна, какую // Она прежде была? // Один только я, как будто, // И теперь остался таким же?..»

С. 24. *Китайские поэты за весенний вечер готовы отдать...* — Имеется в виду стихотворение китайского поэта Су Дунпо (Су Ши, 1037–1101) «Весенний вечер»: «За мгновение в весенний вечер // Я отдал бы золотые горы: // При луне рисует тень узоры, // Травы и цветы благоухают...» (цит. по: Поэзия эпохи Сун. М., 1959. С. 34, пер. И. Голубева).

Наши воспевают... — «Записки у изголовья» японской писательницы X века Сэй Сёнагон начинаются со слов: «Весною — рассвет. Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу» (пер. В. Марковой, см.: Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М., 1975. С. 21).

С. 25. Сёха (Куроянаги Сёха, 1727–1771) — поэт, современник и друг Бусона, жил в западной части Киото.

С. 25. *Замелькали венчики белых цветов...* — В Японии появление различных разновидностей белых цветов обычно ассоциируется с наступлением лета.

С. 27. *Луна над горой Эмэй* — гора Эмэй находится в Китае, в нынешней провинции Сычуань. Воспета китайскими поэтами, например, у Ли Бо (701–762) есть такое четверостишие: «Висит над горою Эмэй половинка осенней луны. // Свет падает в реку Пинцян и водой уносится вдаль. // Покинув под вечер Цинси, направил ладью в Санься, // О встрече мечтая вотще, доплыл до берегов Юйчжоу». В переводе Эмэй значит «высокие брови», поэтому у Бусона и возникает образ красавицы, закутаной в полупрозрачные шелка.

С. 30. *В кукольных лавках...* — С конца второго месяца по начало третьего в самых оживленных районах столицы открывались лавочки, где продавали праздничных кукол и всю необходимую утварь для Праздника девочек (Хинамацури), который праздновался на третий день третьего месяца (в настоящее время — 3 марта).

Авасима — имеется в виду синтоистское святилище Авасима (в современном городе Вакаяма). Считалось, что божество, культ которого отправляется в этом святилище, излечивает от женских болезней. Паломницы часто шли в это святилище босиком, желая показать глубину своей веры и добиться расположения божества.

С. 32. Дзидзо — бодхисаттва Кситигарбха, покровитель детей и путников. Каменные изображения Дзидзо стоят в Японии повсюду — на улицах, на обочинах дорог. Бадьян — ароматическое дерево, ветки которого обычно ставятся на буддийские алтари.

С. 33. *На Четвертой, на Пятой линии...* — В Киото улицы, идущие с запада на восток, называются линиями. Все эти улицы пересекают реку Камогава, которая течет с севера на юг. В местах пересечения через реку переброшены мосты. Камогава — мелкая порожистая река, которая весной становится довольно бурной.

С. 34. *Женщины из Нанива...* — Нанива -- старое название Осака. В Осака теплее, чем в Киото, поэтому женщины с непривычки и зябнут, придя в храм Тиондзи в день поминовения святого Хонэна (1133–1212) -- патриарха секты Чистой земли (Дзёдосю). Дни поминовения святого Хонэна отмечались обычно с 19 дня по 25 день первого месяца по лунному календарю.

С. 35. *Под родным кровом* (буквально «вхождение в чашу» — «ябуири») — в середине первого месяца все купцы, ремесленники и т. п. отпускали своих работников, и те ненадолго возвращались в родные дома.

Пока варятся бобы... — Намек на китайскую легенду о человеке, который заснул у костра и, пока варилась бобовая похлебка, увидел во сне всю свою будущую жизнь.

Гора Атаго — гора к северо-западу от Киото, в местечке Сага. На горе находится известное синтоистское святилище, которому возвращающийся в родные края человек в другой раз непременно поклонился бы, но теперь ему слишком хочется поскорее попасть домой.

С. 36. *Бумажные змеи* — в Японии издавна принято было в первом месяце года запускать бумажных змеев. *Куклы* — имеются в виду праздничные ритуальные куклы, которые являются семейной реликвией и вынимаются один раз в год во время Праздника девочек, на третий день третьего месяца (см. примеч. к С. 30).

Из коробки на свет... — Стихотворение написано как бы от лица девочки, извлекающей из коробки праздничных кукол.

Шалуяя Инуки — персонаж шедевра японской классической прозы «Повести о Гэндзи». В главе «Юная Мурасаки» рассказывается о том, как некая Инуки, расшалившись, выпустила из корзинки всех ручных воробьев.

С. 37. *Коку* — мера веса, около 150 кг.

Сочиняя стихи... в хижине Басё... — В 1776 году Бусон с друзьями восстановил хижину в восточной части Киото возле храма Компукудзи, в которой, как считалось, некоторое время жил Басё. В этой хижине поэты круга Бусона раз в месяц

проводили поэтические собрания. Неподалеку от этой хижины Бусон и похоронен.

С. 38. *Пел соловей... // Дни напролет...* — Птица, название которой обычно переводится словом «соловей» («хототогису»), и пение которой действительно немного напоминает пение русского соловья, поет обычно днем, а не ночью.

С. 40. *Картинка из Оцу (Оцу-э)* — имеются в виду популярные картинки лубочного типа, которые производились издавна в городке Оцу, на берегу озера Бива, возле Киото.

С. 42. *Лягушек далекий хор...* — В «Предисловии» к поэтической антологии начала X века «Кокинвакасю» говорится: «И вот, когда слышится голос соловья, поющего среди цветов свои песни, когда слышится голос лягушки, живущей в воде, кажется: что же из всего живого, из всего живущего не поет своей собственной песней?» (пер. А. Е. Глускиной).

С. 44. *Сон или явь?..* — В этом вроде бы простом трехстишии существует как бы два плана. Первый, внешний — это осязательно ощутимый образ зажатой в горсти бабочки, трепетание которой невольно наводит на мысль о тщетности человеческой жизни. Второй, внутренний — переключка с известной притчей о Чжуанцзы, которому однажды приснилось, что он бабочка, и, проснувшись, он не мог понять, Чжуанцзы ли он, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она Чжуанцзы.

С. 45. *Две сливы в цвету...* — Ср. со стихотворением из антологии «Ваканроэйсю» (1013 г.): «Ивы на восточном берегу и на западном — одна медлительнее, другая торопливее. // Цветы на южных и северных ветвях сливы распускаются и опадают в разное время».

С. 46. *Муро (или Муруцу)* — порт в префектуре Хёго, один из самых крупных на побережье Внутреннего моря, славился своими веселыми кварталами.

С. 48. Нинко — поэт, особенно преуспевший в нанизывании строф — «рэнга». Был монахом монастыря Сэйгандзи в

Фусими, месте, славящемся красотой цветущих персиков. Скончался в 1686 году в возрасте 81 года.

С. 49. Сага — местность к северо-западу от Киото, в предгорьях горы Арасияма. Одно из мест, известных красотой цветущих вишен.

С. 50. *Когда цветы в столице начинают опадать...* — Стихотворение написано к картине, на которой изображен Матабэй в красном колпачке с тыквой-горлянкой в руке.

Косин (1434–1525) — художник, один из крупнейших мастеров школы Тоса, отличавшейся изысканной декоративностью. Известен пейзажами Киото и его окрестностей.

Матабэй — Иваса Матабэй (1578–1650), один из художников школы Тоса, известный своими жанровыми композициями.

Омуру — район в западной части Киото, где особенно хороши цветущие вишни.

Ёсино — горный район в окрестностях Киото, одно из основных мест любования цветущими вишнями.

С. 51. *Тени цветов на перилах...* — Строка из стихотворения китайского поэта Ван Аньши (1021–1086) «Ночное дежурство»: «Тени цветов на перилах скользят за луною вослед...».

Тень горы входит в ворота — слова из стихотворения китайского поэта (имя не установлено): «В ворота без стука входит тень соседней горы...».

Морокоси — так в Японии называли Китай.

Кётай — Като Кётай (1732–1792) — поэт «хайкай», современник Бусона.

С. 52. *Луна над восточной вершиной, // Над западной — солнце.* — Образ из стихотворения китайского поэта Тао Юаньмина (365–427): «К ночи бледное солнце в вершинах западных тонет, // Белый месяц на смену встает над восточной горой. // Далеко-далеко на все тысячи ли сиянье. // Широко-широко озаренье небесных пустот...» (пер. Л. З. Эйдлина, см.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. БВЛ. М., 1977. С. 217). Ср. также со стихотворением японского

поэта Какиномото Хитомаро (конец VII—начало VIII века): «На полях, обращенных к востоку, // Мне видно, как блики сверкают // Восходящего солнца, // А назад оглянулся — // Удаляется месяц за горы» (пер. А. Е. Глускиной).

С. 54. Окинамару — так звали собаку, описанную в «Записках у изголовья» Сэй Сёнагон (см.: Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М., 1975. С. 30). Окинамару — буквально Старец Мару.

С. 55. *Закрытые двери в Фусими...* — От моста Кёбаси в Фусими обычно по вечерам отправлялась лодка с пассажирами до Осака. Пока она доплывала от Фусими до Ёдо (около 50 км) — наступало утро.

С. 57. *Река течет по столице...* — Имеется в виду река Камогава, пересекающая Киото с севера на юг. В северной части Киото, между Первой и Второй линиями расположен императорский дворец; обычно движение с юга на север обозначают в Киото глаголом «подниматься», а движение с севера на юг — глаголом «спускаться».

С. 59. *На каждый квадратик поля...* — Рисовые поля заливаются водой, и в ясную погоду в каждом квадратике поля отражается луна. В период дождей всегда пасмурно, и на рисовых полях воцаряется тьма.

С. 60. *Воду в поля проводят...* — На заливных рисовых полях существует сложная система подвода и спуска воды. Поскольку днем очень жарко, предпочитают работать ночью.

Каппа — сказочное существо, живущее в воде.

С. 63. *День смены одежд* — имеется в виду старинный обычай в первый день четвертого месяца менять теплые зимние одежды на легкие летние. Меняется и убранство дома.

С. 64. *Авасэ* — легкое летнее кимоно.

Аромат померанца... — Ср. со стихотворением неизвестного автора из антологии «Кокинсю»: «Пятой луне // Навстречу расцвел померанец // Его аромат // Вдыхая, вдруг вспомнил: когда-то // Так пахли твои рукава».

С. 65. *Карпы* — в день мальчиков, на пятый день пятого месяца (сейчас День детей — 5 мая), над домами вывешивают на высоких шестах изображения карпов из бумаги или ткани по числу мальчиков в семье. Карп — рыба, которая плавает против течения и поэтому символизирует мужественность.

С. 66. *Москитную сетку повешу...* — Москитные сетки обычно были зеленого цвета.

С. 69. *Лисьи огни* — то, что по-русски зовется «блуждающими» или «болотными огнями».

Гаин — один из киотских поэтов, скончался в 1777 году.

С. 70. *Суси* — японское кушанье: рисовый колобок, на который кладется ломтик сырой рыбы.

...написал стихи // На каменном гнёте. — У китайского поэта Бо Цзюйи (772–846) есть такие строки: «Под деревьями разогреваем вино, сжигая алые листья. // На камне пишем стихи, стирая зеленый мох».

С. 71. Хэйан — древнее название Киото.

С. 74. *Полдня покоя* — в дневнике «Записки из Сага» Басё говорится: «Старец Тёсёси (поэт Киносита Тёсёси, 1569–1649) говорит: “Когда гость обретает полдня покоя, хозяин лишается полдня покоя”».

Гора Асама — вулкан.

С. 78. *Веселые женщины из Хасимото...* — По дороге из Осака в Киото, у переправы через реку Ёдо, находится маленький городок Хасимото, известный своими веселыми кварталами. Когда-то в давние времена поэт Аривару Нарихира, подъехав к другой переправе на реке Сумида, увидел незнакомых ему птиц, узнав же, что их называют «столичные» — «миякодори», произнес: «Велика ваша слава, // Так ответьте же мне поскорее, // Столичные птицы: // Жива еще или нет // Та, о ком думы мои?»

С. 81. *Поднявшись на восточный пригорок...* — В поэме китайского поэта Тао Юаньмина (365–427) «Домой, к себе» есть такие строки: «Поднимусь на восточный пригорок, чтобы

там мне вольготнее было свистеть. Подойду к чистым струйкам воды и сложу там свои стихи» (цит. по: Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М., 1958. С. 177).

С. 86. *Осень пришла...* — Пародирование образов классической поэзии — весьма распространенный прием в «хайку». У древних поэтов принято было догадываться о наступлении осени по шуму ветра. Вот, например, стихотворение поэта IX века Фудзивара Тосиюки («Кокинсю», 189): «Взор бессилен еще // Уловить те приметы, что скажут: // “Осень пришла”. // Но однажды, услышав шум ветра, // Вздрогнешь вдруг: “неужели?”». А вот как говорил о том же Басё: «“Осень уже пришла!” — // Шепнул мне на ухо ветер, // Подкравшись к подушке моей» (пер. В. Марковой).

С. 89. *Стоит бекас...* — Образ из стихотворения японского поэта Сайгё: «Сейчас даже я, // Отринувший чувства земные, // Изведал печаль. // Бекас взлетел над болотом... // Темный осенний вечер» (пер. В. Марковой. Цит. по: Классическая поэзия Индии... БВА. М., 1977. С. 709).

С. 91. *На ветках фазаны...* — Уже в антологии VIII века «Манъёсю» была зафиксирована традиция сопоставлять длинную осеннюю ночь с длинным фазаньим хвостом. Например, у поэта Какиномото Хитомаро есть такое пятистишие: «Горный фазан // Тянет свой хвост за собою // Длинный-предлинный. // Длинную эту ночь // Ужель без тебя проведу?».

С. 93. *...в пруду // Сада Синсэн.* — Сад Синсэн в Киото в древности был местом для прогулок императора, но с тех пор как в 824 году Кукай (Кобо-дайси, 774–835 — основатель секты Сингон, известный ученый и каллиграф) отслужил здесь молебен о дожде, который принес желаемый результат, в этом саду стали постоянно совершать моления о дожде.

С. 97. Акицусима — одно из древних названий японских островов.

С. 98. *Спускают воду* — рисовые поля все лето залиты водой, но осенью, после того как рис созревает, воду спускают.

С. 99. Танабата — праздник Встречи звезд (седьмой день седьмого месяца по лунному календарю). В этот день, согласно старинной китайской легенде, встречаются две звезды — Вега (по китайской легенде — Ткачиха) и Алтаир (по китайской легенде — Волопас), которые все остальное время вынуждены жить по разным сторонам Млечного пути (Небесной реки). Встречаются они на мосту, наведенном через Небесную реку стаей сорок.

Листик шелковицы — во время праздника Танабата принято было на семи листках шелковичного дерева писать стихи из антологии «Ваканроэйсю» (1013) и подносить их в синтоистское святилище.

Мечта о любви — во время праздника Танабата девочки просят у богов помощи в овладении ремеслами и удачи в любви. Привязав к концам особых шестов пучки разноцветных нитей, они подносят их Небесной Ткачихе.

С. 100. *Праздник поминовения душ* — праздник поминовения усопших, или праздник Бон, проводится обычно с 3 по 16 день седьмого месяца. В эти дни во всех домах перед домашними алтарями ставят специальные столики, на которых раскладывают подношения для душ близких родственников, в храмах совершаются поминальные службы.

Фонарь в саду — имеется в виду поминальный фонарь, который в течение семи лет после смерти близкого человека каждый год в седьмом месяце ставят в саду возле дома.

Танец Бон — с 13 по 16 день седьмого месяца, в дни поминовения усопших исполняется танец Бон. Люди проходят по улицам, танцуют и распевая особые песни, чтобы умиловить и порадовать души предков.

С. 101. Ханабуса Иттё (1652–1724) — японский художник, работавший в жанрах люди и цветы и птицы.

С. 104. Оницура (Уэдзима Оницура, 1661–1738) — поэт и теоретик «хокку», ему принадлежит высказывание: «Вне правды нет “хокку”».

С. 104. *Стук вальков* — вальками отбивали шелк, чтобы придать ему блеск. Еще в китайской поэзии стук вальков ассоциировался с осенью.

С. 109. Сянчжу (Сыма Сянчжу, 179–117 до н. э.) — знаменитый китайский поэт. Трехстишие основано на известном эпизоде из его жизни (зафиксированном в «Исторических записках» Сыма Цяня). Однажды, попав в дом богача Чжо Вансуня, Сыма Сянчжу играл на цитре («цине»), желая привлечь внимание понравившейся ему дочери хозяина, Вэньцзюнь, и своей игрой покорила ее сердце (см.: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 284). В трехстишии Бусона запечатлено мгновение перехода от страстно звучащей музыки к тишине, которая будто бы сразу наполнилась неслышным до сих пор из-за музыки звоном сверчков.

С. 110. *...не иначе // Какой-то храм.* — В Киото и в его окрестностях много храмов, которые славятся красотой алых кленов.

Похитили блеск... — В одном из древнейших памятников китайской словесности «Луньюй» («Суждения и беседы» Конфуция, около 450 г. до н. э.) в главе «Ян Хо» говорится: «Учитель сказал: “Краснобайство и вкрадчивые манеры редко сочетаются с добродетелью”. Учитель сказал: “Дурно, когда лиловое похищает блеск у алого; дурно, когда песни царства Чжэн разрушают ритуальную музыку; дурно, когда кто-то жадным ртом пожирает царства и семьи”».

С. 111. *Снег с вершины Ушань* — японские комментаторы отсылают читателей к собранию рассуждений о поэзии эпохи Сун Вэй Цинчжи «Осколки нефрита» (XII век): «На шляпу ложится снег с вершины горы Ушань. // Туфли благоухают, как цветы земли Чу».

Росу с хризантем... — Старое китайское изречение, которое часто высекалось на тушечницах — специальных камнях для растирания туши, — гласит: «Жизнь кисти определяется днями, жизнь палочки туши — годами, а жизнь тушечницы — веками». В древности и в Китае, и в Японии существовало

поверье, что роса с хризантем приносит долголетие. По преданию, в Китае в горах жил человек, который пил росу с хризантем и в результате прожил несколько сотен лет. Во время Праздника Хризантем, который праздновался на девятый день девятого месяца, принято было протирать лицо кусочками ваты, смоченной росой с хризантем. Друзья, собравшись вместе, любовались цветами, сочиняли стихи и пили вино «Хризантемовая роса».

С. 112. Хаги — низкорослый кустарник с лиловыми цветами, цветет осенью.

С. 113. Оминаэси — высокое травянистое растение с мелкими желтыми цветами, собранными в зонтиковидные соцветия. Цветет осенью.

С. 118. *Луна без богов* — старое название десятого месяца по лунному календарю. Существует несколько толкований этого названия, одно из самых распространенных — все боги в этом месяце собирались в Большом святилище Идзумо, поэтому в других местах их не было.

Мунэто // ...Показать бы эти нарциссы... — Абэ Мунэто — воин, живший в середине эпохи Хэйан. В «Повести о Тайра» рассказывается, как однажды, когда Мунэто приехал в столицу (его род жил в северной части Хонсю), придворные, желая подшутить над провинциалом, показали ему на цветы сливы и спросили его: «Что это?» — и он не без иронии ответил: «В селенье родном // Сливой эти цветы называют. // Насколько я знаю. // А как же здесь, в столице, // Вы изволите их называть?».

С. 119. Бадьян — «звездчатый анис» — почитается буддистами священным деревом. Его сажают возле храмов, ветками бадьяна украшают алтари.

Ишуй — река в Китае, в провинции Хэбэй. Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, когда в 227 году Цзин Кэ был послан правителем княжества Янь убить императора Цин Шихуанди, на берегу этой реки было устроено прощальное пиршество, во время которого Цзин Кэ сложил «Песню о реке Ишуй»: «Дует порывистый ветер, холодны воды Ишуй, //

Храбрец пускается в путь, и не вернется обратно» (гл. 86). Зеленый пучок лука, плывущий по реке, как бы след от этого прощального пиршества.

С. 120. *Сивасу* — старинное название двенадцатого месяца по лунному календарю. Буквально: «месяц бегающих учителей».

С. 127. *Окё* — Маруяма Окё (Масатака, 1733–1795) — известный японский художник, жил в Киото, основал свое направление, соединив реализм с декоративностью.

С. 128. *На камне // Стихи написал...* — См. примеч. к С. 70.

С. 129. *Десять ночей* — по обычаям буддийской секты Чистой земли (Дзёдо), с шестого по пятнадцатый день десятого месяца проводятся каждодневные моления будде Амиде (так называемые «нэмбуцукай»).

Дабу-дабу — участники десятидневных молений будде Амиде обычно повторяют молитвенную формулу «намуамидабуцу» («помилуй, будда Амиде»).

С. 130. *Возжигание огня* — обряд, который проводится во всех синтоистских святилищах столицы каждый год в дни одиннадцатого месяца. Перед святилищами кладут связки хвороста, подносят богам вино, затем хворост поджигают. В этом обряде принимают особенно активное участие семьи кузнецов, виноделов и пр. Они проводят этот обряд и у своих жилищ.

С. 131. *Персиковый источник* — мифическая страна счастья. В поэме Тао Юаньмина «Персиковый Источник» рассказывается о том, как один рыбак случайно попал в персиковую рощу, за которой обнаружил источник и рядом с ним — вход в пещеру. Пройдя через пещеру, он оказался в прекрасной стране, все жители которой были счастливы и ничего не знали о несчастьях мира. Вернувшись домой, рыбак рассказал всем, где он побывал, но сколько ни искали эту прекрасную страну, больше найти ее не могли. Тема Персикового источника — тема зачарованной страны счастья, судя по всему, очень волновала Бусона и прямо или косвенно отразилась во многих его стихотворениях.

С. 131. Сайгё (1118–1190) — великий японский поэт, особенно любимый и чтимый Басё и другими поэтами «хайкай».

С. 133. *Таби* — особые японские носки с отделенным большим пальцем.

Бумажное платье — дешевое теплое зимнее платье, которое клеилось из нескольких слоев мягкой рисовой бумаги.

С. 134. *Футон* — толстое одеяло. Обычно одно такое одеяло служит матрацем, другим накрываются.

Фугу — сорт рыбы, которая ценится в Японии как особый деликатес, но, будучи неправильно приготовленной, может вызвать сильнейшее отравление, как правило, с летальным исходом.

С. 136. Ван Вэй (701–761) — китайский художник и поэт, оказавший большое влияние на всех художников «интеллектуалов» и особенно чтимый Бусоном.

С. 140. Итику (Тагава Итику, 1709–1760) — поэт круга Бусона. Кёрай (Мукаи Кёрай, 1651–1704) — поэт, один из учеников Басё.

Осень в душе... — Это стихотворение уместно сравнить со стихотворением поэта Фудзивара Киёсукэ (1104–1177): «Быть может, когда-нибудь // Стану и эти дни // С тоской вспоминать. // Ведь горести прежних лет // Ныне дороги сердцу».

ПРОЗА

С. 143. *Школа «нэмбуцу»* — имеется в виду секта Чистой земли (Дзёдо), которой и принадлежит монастырь Гукёдзи. Последователи этой секты уповают на то, что любой, произносящий молитвословие будде Амиде — «намуамидабуцу», достигнет перерождения в Чистой земле, буддийском раю. В монастыре Гукёдзи хранится сутра, переписанная, по преданию, барсуком-оборотнем, принявшим обличье монаха и некоторое время жившим в этом монастыре. Согласно легенде, этот барсук покончил с собой, когда кто-то из монахов случайно увидел его в истинном обличье. После него осталась переписанная им

сутра, которая до сих пор хранится в монастыре как одна из самых драгоценных реликвий.

С. 143. *Барсучьи волосы* — имеется в виду кисть, которая делалась обычно из барсучьих волосков.

С. 144. *Небесный мост (Ама-но хасидатэ)* — одно из красивейших мест Японии: заросшая соснами песчаная отмель в заливе Миядзу, неподалеку от Киото.

Хассэн (Сакаки Хякусэн, 1697–1752) — японский художник.

Минский стиль — имеется в виду китайская живопись эпохи Мин (1368–1644).

Ханьское направление — имеется в виду китайская живопись эпохи Хань (206 г. до н. э.–220 г. н. э.).

Старец из Банановой хижины — имеется в виду Басё.

Рэндзи — один из псевдонимов поэта Кагами Сико (1665–1731), ученика Басё.

Синси — один из псевдонимов поэта Такараи Кикаку (1661–1707), ученика Басё.

Ри — мера длины, 3927 м.

С. 145. Сооку (Мотидзуки, 1688–1766) — один из киотоских поэтов, близкий кругу Бусона, ученик Хаяно Хадзина.

Чужим из мира тщеты — ср. со стихотворением Ван Вэя «Вместе с чиновником Лу Сяном посетил лесную обитель отшельника Син Цзуна»: «Деревья поляну укрыли тенью сплошной // Темные мхи загустели, травы чисты. // Простоволосый, ноги поджав, сидит под сосной, // Белками глядит на чужих из мира тщеты». (цит. по: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. БВЛ. М., 1977. С. 260, пер. А. Штейнберга).

С. 146. *...если бы существовало то, что называлось «Сироурури»...* — Имеется в виду персонаж «Записок от скуки» Кэнко-хоси, некто Дзёсин-содзу, который, увидав одного монаха, прозвал его «Сироурури». «Да что это за штука?» — спросили его, и он ответил: — «А я и сам не знаю, что это такое, но только, если бы оно существовало, то, наверное, смахивало бы на физиономию этого бонзы» (пер. В. Н. Горегляда, см.: Кэнко-хоси. Записки от скуки. М., 1970. С. 73).

С. 146. *Три тропки в саду сплошь в бурьяне* — образ из стихотворения Тао Юаньмина «Домой, к себе»: «Три тропки в саду сплошь в бурьяне, но сосна с хризантемой все еще живы...» (цит. по: Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М., 1958. С. 175). *Три тропки* — атрибут жилища поэта-отшельника. В I веке до н. э. Цзян Сюй расчистил тр и тропинки — для себя и двух своих друзей, иногда его навещавших.

С. 147. Какуэй — поэт, друг Бусона.

Роинся — один из псевдонимов ученика Бусона, Ёсивакэ Тайро (1730–1778).

С. 148. *...с одной сандалией в руке удалился к Западным небесам* — существует легенда, согласно которой Дарума, патриарх буддизма Дзэн (кит. «чань»), взяв в руку одну сандалию, удалился в Западную землю. «Западная земля» — царство будды Амида, буддийский рай.

Сикэй и Госи — домочадцы и ученики Тайро.

Канто — купец из Осака, друг Бусона, в доме которого он часто бывал.

Хижина Басё — см. примеч. к С. 37

С. 149. *Пустынная чаща бамбука* — цитата из стихотворения Ван Вэя «Беседка в бамбуковой роще»: «В пустынной чаще бамбука // Свищу, пою. // На цине играю, тешу // Ночную тьму» (см.: Ван Вэй. Стихотворения. М., 1979. С. 56, пер. А. Штейнберга).

Вне пределов досягания мирской пыли — ср. с цитатой из «Записки из хижины “Призрачная обитель”» Басё: «При всем том я не хочу сказать, что так уж люблю уединение и намереваюсь затеряться бесследно в горах и лугах».

...жаждущий обрести «полдня покоя» — см. примеч. к С. 74

С. 150. *Брызги Чистого Водопада — Киётаки* — ср. с трехстишием Басё: «Водопад Киётаки! // По бурлящим волнам рассыпается // Хвоя сосны».

С. 150. *Следя за облаками над горой Арасияма* — ср. с трехстишием Басё: «Шестая луна. // Вершину завесила тучами // Гора Арасияма».

Исикава Дзёдзан (1583–1672) — поэт и каллиграф, последние годы жизни провел в Киото, где в нескольких храмах есть сады, разбитые по его рисункам. У Басё есть посвященное ему стихотворение: «Как душит ветерок! // Не спешу запахнуть воротник // Летнего платья».

Сочувствовал одинокому монаху... — Ср. с трехстишием Басё: «И могилу Тёсё // Обойдет, ударяя в плешь свою, // Одинокий монах».

Печалился о судьбе прикрывшегося рогожей нищего — ср. с трехстишием Басё: «Праздник весны... // Но кто он, прикрытый рогожей // Нищий в толпе?» (пер. В. Марковой, см.: Басё. Лирика. М., 1964. С. 86).

Бросал вызов обитателю горы Гушань... — Имеется в виду Линь Хэцин (Линь Фу, 967–1028), китайский поэт, который жил отшельником на горе Гушань, любил цветы сливы и разводил журавлей. У Басё есть такое трехстишие: «О как сливы белы! // Но где же твои журавли, чародей? // Их, верно, украли вчера?» (пер. В. Марковой. Указ. изд. С. 151).

Бродил, опираясь на посох... — Ср. с трехстишием Басё: «Гора Оохизэ! // Над вершиной росчерком легким // Весенняя дымка».

Ду Фу — китайский поэт (712–770), особенно любимый Басё.

В проглядывающих сквозь дымку соснах Карасаки — ср. с трехстишием Басё: «О мыс Карасаки! // Здесь дымка весенняя сосны // Цветам предпочла».

С. 151. *Канули в прошлое сны...* — Ср. с трехстишием Басё: «В пути я занемог. // И все бежит, кружит мой сон // По выжженным полям» (пер. В. Марковой. Там же. С. 140).

...один человек, давая имя беседке... — Имеется в виду китайский поэт Су Ши, который назвал свою беседку «Беседка человека, ошастливленного дождем», в честь того, что как раз тогда, когда строительство беседки было закончено, пошел наконец дождь после долгого периода засухи.

С. 151. *Басё просил кукушку ниспослать покой...* — Имеется в виду трехстишие Басё: «Развей тоску, // Пошли покой мне наконец, // Кукушка».

С. 152. *Несовершающие благоденний* — имеются в виду последователи учения Дзэн, считающие, что истину можно постичь только интуитивно, а не путем размышлений.

Стоит ли донимать себя... — Цитата из стихотворения Тао Юаньмина «Домой, к себе»: «Ведь я прозрел и понял, что не стоит упреком донимать себя за прошлые грехи, и знаю хорошо, что можно нагонять все то, что будет впредь» (пер. В. М. Алексеева).

Луна Зайца — четвертый месяц по лунному календарю.

Долгая луна — девятый месяц по лунному календарю.

С. 153. *...показать, как вишни цветут...* — Ср. с трехстишием Басё: «В путь! Покажу я тебе, // Как в далеком Ёсино вишни цветут, // Старая шляпа моя» (пер. В. Марковой. Указ. изд. С. 163).

С. 154. *Почему дайнагон Такакуни...* — Имеется в виду Минамото Такакуни, иначе Дайнагон из Удзи (1004–1077), автор сборника новелл «Подобренные сокровища Удзи» («Удзисюи-моногатари»). Во второй новелле этого сборника рассказывается о том, что в провинции Тамба, в деревне Сино, было много грибов «хиратакэ». Однажды жителям деревни приснился один и тот же сон — будто явились к ним несколько десятков большеголовых монахов, один из которых, поклонившись, сказал: «Обет, связывающий нас с этим местом, исчерпан». Жители деревни недоумевали, не зная, как толковать этот сон, а осенью в окрестных лесах не было найдено ни одного гриба «хиратакэ». Никто не мог объяснить этого явления, пока не нашелся один монах, сказавший «Монахи, нечистые проповеди произносящие, в новом перерождении становятся грибами».

Сломанные мостики — образ из стихотворения Ду Фу: «Сломаны мостики, нет досок, чтоб их починить. // Спящие ивы их заплетают ветвями...».

С. 155. *Вспомнив замечательные строки Бо Цзюйи...* — Бусон цитирует поэму китайского поэта Бо Цзюйи (772–846)

«Пипа». Отрывок из этой поэмы дан в переводе Л. З. Эйдлина (см.: Бо Цзюйи. Стихотворения. М., 1978. С. 276).

С. 156. *Сосны из Такэкума* — в местечке Такэкума, на севере острова Хонсю, растет воспетая в японской поэзии сосна с раздвоенным стволом. О ней упоминает Басё в путевом дневнике «По тропинкам Севера». По преданию, в давние времена некий человек срубил эту сосну, чтобы сделать из нее сваи для моста, но через несколько веков на ее месте выросла новая. «Поколение одно срубил сосну, — пишет Басё, — другое посадило вновь, и ныне стал вид такой, точно снова тысяча лет миновала, — о благодатная сосна!» (см.: альманах Восток. Сб. 1. М., 1935. С. 325, пер. Н. И. Фельдман).

Трижды первое утро — имеется в виду утро первого года, первого месяца и первого дня.

С. 157. *Толчет зерно под лунюю // Заяц-Ухэй* — согласно древней китайской легенде, на луне под растущей там лунной кассией сидит заяц и в ступке толчет снадобье бессмертия. «У» в имени «Ухэй» пишется знаком «заяц», это и послужило причиной возникновения ассоциативной цепи: луна — ступка — заяц.

Давая имя, лучше всего не задумываться. — Это высказывание уместно сравнить со следующим местом из «Записок от скуки» Кэнко-хоси, одного из любимейших авторов Бусона: «Древние нимало не задумывались над тем, какое название присвоить храмам, святилищам и всему на свете» (цит. по: Кэнко-хоси. Записки от скуки. М., 1970. С. 99, пер. В. Н. Горегляда).

С. 158. *Где блуждаешь ты теперь...* — У Ван Вэя есть такое стихотворение: «В горы в далекий путь // Пришлось мне вас провожать. // Один калитку мою // Запер я за собой. // Весною трава в лугах // Зазеленеет опять. // А вы, мой любезный друг, // Вернетесь ли вы весной?» (пер. А. Гитовича, см.: Ван Вэй. Стихотворения. М., 1959. С. 47).

С. 159. *Люди бегут на стогны...* — Снова реминисценция из «Записок от скуки» Кэнко-хоси: «Глупо всю жизнь

истязать себя, не зная минуты покоя в погоне за славой и выгодой» (пер. В. Н. Горегляда. Указ. изд. С. 61).

С. 159. *Вот и старый кончается год...* — Трехстишие Басё (пер. В. Марковой).

Чжан Цзюлин — политический деятель и поэт танской эпохи, у него есть стихотворение под названием «В светлом зеркале вижу свои седые волосы».

Дзёдзан — см. примеч. к С. 150. Существует легенда о том, что, отклоняя приглашение императора Гомидзуноо (1596–1680), Дзёдзан сказал: «Не перейти // Мне через речку Сэми, // Хоть и мелка она, // Стыжусь увидеть отражение // Своих морщин в ее воде».

С. 160. Кудзу — пуэария, вьющееся растение семейства бобовых. Из высушенных корней этого растения делают крахмалистую муку, а из муки с добавлением сахара готовят напиток, который в зависимости от времени года пьют либо горячим, либо холодным.

Не сподобился предстать пред очи князя Рюдзан — имеется в виду Коноэ Сакихиса (1536–1612) — сановник и политический деятель эпохи Токугава. В свои молодые годы Рюдзан, бывший к тому же поэтом и каллиграфом, посетил известного мастера «рэнга» Ямадзаки Сокана (годы рождения и смерти не установлены) и предложил ему трехстишие: «Вот и Сокан. // Посмотришь — будто голодный дух // В ирисах». Сокан немедленно ответил: «Жаждой томимый нагнешься к воде, // Но нет ее в летнем болоте».

Не встретил на своем пути никого, похожего на князя Сукэтомо — имеется в виду Хино Сукэтомо (1290–1333), придворный императора Годайго, который был осужден за участие в заговоре и сослан на остров Садо. В «Записках от скуки» Кэнко-хоси говорится о том, что однажды, когда почтенного монаха Дзёнэна пригласили ко двору, один из сановников воскликнул: «О, какой благородный у него вид!» — и проникся к нему благоговением. Заметив это, князь Сукэтомо сказал: «Это все из-за его преклонного возраста». Как-то после этого он притащил лохматую собаку, страшную, тощую и

облезлую от старости, и поволок ее к министру, говоря: «Ну чем у нее не благородный вид?» (пер. В. Н. Горегляда. Указ. изд. С. 118).

С. 160. *Старец из обители Цикад* — имеется в виду киотоский поэт Камидзава Доко (1709–1795), друг Бусона.

С. 161. *К картине «Бэнкэй»* — Надпись сделана к картине, на которой изображен Мусасибо Бэнкэй — один из любимых героев японского эпоса, монах-воин, отличавшийся необыкновенной силой, и уличная женщина, цепляющаяся за его рукав.

Слезоточивый Бэнкэй (яп. «намидабэнкэй») — так японски называют тех, кто добивается победы не силой, а слезами и всяческими уловками.

С. 162. *Сливовый старец* — имеется в виду Нисияма Соин (1596–1682), ведущий поэт школы Данрин. Он писал «хокку» в легкой юмористической манере.

С. 163. *Красная стена* — поэма китайского поэта Су Ши (1036–1101). Строки из нее даны в переводе В. М. Алексеева (см.: Китайская классическая проза. М., 1958. С. 314).

Ива паломников (яп. «югёнаги») — известная ива, воспетая еще поэтом Сайгё (1118–1190): «У дороги ручей // Струится светлый и чистый. // “Под ивой в тени // Присяду на миг”, — подумал. // Но долго не мог уйти». См. также у Басё: «А в деревне Асино, у дороги, есть “ива у чистой воды”. Некий Тобэ, начальник уезда, не раз уже мне говорил, что хотел бы мне ее показать, и я все думал: когда-то придется? — а вот нынче сам стоял под ее сенью. “Уж в целом поле // Посажен рис? Пора мне, // О тень под ивой”» (Басё. По тропинкам Севера / Пер. Н. И. Фельдман. См. альманах Восток. Сб. 1. 1935. С. 321).

С. 164. *...вроде того старика, что продавал когда-то палочки для еды?* — Легендарный персонаж, который в IX веке ходил по улицам босиком в грязной одежде и продавал палочки для еды. Упоминание о нем есть в «Биографии отшельника Фусо», написанной поэтом эпохи Эдо Исии Гэнсэем (1623–1668).

С. 164. *Все те же черты...* — Ср. со стихотворением, приписываемым обычно поэтессе X века Оно-но Комати: «Все те же черты... // Не изменились они ни чуть. // Хоть лет череда // Унесла уже так далеко, // И есть предел этой жизни».

Страна Морокоси — так в Японии называли Китай.

Запретная обитель, Заоблачный приют — имеется в виду императорский дворец, расположенный в северной части Киото.

С. 165. *Что вы, трава иль деревья...* — Трехстишие Бусона построено на образах стихотворения поэта X века Ки-но Томоо: «Все Государево --- // На государевой земле, растут // И травы и деревья. // Так где же смогут черти // Найти себе приют?».

Гогэнсю — собрание трехстиший, составленное поэтом Сасагури Сигэн в 1744 году. В первых двух книгах (всего их четыре) собраны произведения поэта школы Басё, мастера шуточных стихов Такараи Кикаку (1661–1707), написанные им за пять эпох: Эмпо (1679–1681), Тэнна (1681–1684), Дзёкё (1684–1688), Гэнроку (1688–1704), Хэй (1704–1711). Кикаку сам собрал их и снабдил собственным предисловием.

...подобны парчовому наряду, надетому темной ночью — ср. с «Историей династии Хань» («Ханьшу», I век): «Разбогатеть и не вернуться домой — все равно, что ходить ночью в парчовом платье».

С. 166. *Гэмбосю* — сборник трехстиший ученика Басё, поэта Хаттори Рансэцу (1654–1707), составленный в 1750 году поэтом Сасагури Сигэном. *Бакуринсю* — сборник стихов поэта Бакурина (Накагава Оцукю, 1674–1739).

Ли Бо (701–762) — известный китайский поэт.

Хякуманбо — монашеское имя Сасагури Сигэна (1725–1778), эдосского поэта, близкого Кикаку и Рансэцу, составителя нескольких антологий.

С. 167. *Стечение некоторых обстоятельств...* — В 1742 году на 67 году жизни заболел и вскоре скончался поэт Хаяно Хадзин (1676–1742), учитель Бусона, глава школы «Полночная беседа», после чего Бусон, так и не завершив начатую им работу по составлению посмертного сборника своего учителя, уехал из Эдо и около года путешествовал.

С. 167. Ганто (Исаока Ганто, <?>-1773) — поэт, вместе с Бусоном был учеником Хаяно Хадзина. После смерти Хадзина уехал из Эдо и поселился в Юки, местечке неподалеку от Киото.

Рюкё (Сакума Рюкё, 1686-1748) — эдосский поэт, один из членов общества «Пятицветной туши». Позже примкнул к школе Бакурина.

Тамбоку (Токива Тамбоку, <?>-1744) — поэт школы Кикаку, по профессии врач. Бродил по провинциям и проповедовал необходимость просвещения народа. Был близок Бусону.

Бродил вдоль Сосновых островов — Мацусима — ср. с «По тропинкам Севера» Басё: «Да, хоть старо о том говорить, но Мацусима — Сосновые острова — первый из прекрасных видов страны Фусан, не меркнувший рядом с озерами Дунтиху и Сиху» (см.: альманах Восток. Сб. 1. М., 1935. С. 327).

Размышляя о жемчужинах Хэпу — Хэпу — местечко в Китае (Гуандун). Известно обилием жемчуга. Однажды туда был назначен наместником очень жадный человек, после чего весь жемчуг исчез, и появился снова, только когда наместником стал Мэн Чан (см. «Хроника поздней Хань», «Хоуханьшу», V век, гл. «Мэн Чан»). *Жемчуг Хэпу* — зачин («дзё») к слову «возвращаться» («казру»).

Кисэй (Ямамото Кисэй, <?>-1756) — поэт из Эдо.

Умитомо Гёкуга (1755-1839) — художник, который долгое время жил в Киото и был близок кругу друзей Бусона — Икэнно Тайга, Маруяма Окё, Мацумура Гэккёю.

С. 168. *Самое главное — понимать разницу...* — Речь идет о терминах «рэнга» («нанизанные строфы»). «Хокку» — начальная строфа, одна из самых ответственных в «рэнга», которая должна как бы дать толчок разворачиванию цели ассоциативно связанных строф. «Хираку» называлась любая промежуточная строфа «рэнга» (кроме опорных — «хокку», «вакику» («дополнительная строфа»), «дайсан» («третья строфа»), «агёку» («заключительная строфа»)).

Маруяма Мондо — имеется в виду Маруяма Окё, см. примеч. к С. 127

...будто бы украшавшей когда-то Сэньянский дворец — Сэньян — столица китайского императора Цин Шихуанди (III век до н. э.).

С. 169. *Стружки от моста Нагара...* — Нагара — мост через реку Нагара в провинции Сэтцу. Идэ — местность в провинции Ямасиро, славившаяся красотой керрий и обилием лягушек.

В некоторых сборниках японских сказаний зафиксирована легенда, согласно которой известный поэт X века, монах Ноин, встретив придворного по имени Токинобу, решил поразить его и, вытащив из-за пазухи мешочек, заявил, что в нем — стружки, сохранившиеся с того времени, когда строили мост Нагара. Токинобу, бывший большим эстетом, в ответ извлек из-за пазухи мешочек и сказал, что в нем — мощи лягушки из Идэ. Оба остались очень довольны.

Оотака Гэнго — поэт и один из 47 самураев, которые в 1703 году, напав на усадьбу Кира Ёсинака, отомстили ему за смерть своего господина, Асано Наганори. История этой мести легла в основу сюжета многих драм театров Кабуки и Дзёрури.

С. 170. *Дом Нидзё* — род, славящийся своими поэтическими традициями, основателем которого считается известный поэт Фудзивара Тамэудзи (1227–1286).

Кин — мера веса, 600 г.

Синрю (Фудзии Синрю, 1680–1761) — поэт школы Кикаку.

С. 171. Тантан (Мацуки Тантан, 1674–1761) — поэт, выходец из осакской купеческой семьи, жил в Киото и Осака, принадлежал к школе Кикаку.

С. 174. *Фусума* — раздвижные перегородки-стены в японском доме.

С. 176. *Балка одна на восемь «дзё»...* — Золотой храм (Кинкакудзи) — одна из достопримечательностей Киото. *Дзё* — единица измерения площади, около 1,5 кв. м. На первый взгляд, в стихотворении изображается осенний храм Кинкакудзи (в старину его потолок был сделан из доски, выпиленной из ствола огромного камфарного дерева). Но в словах «восемь дзё» таится намек на гениталии барсука, о которых в народе говорят, что они покрывают площадь в восемь «дзё».

Хозяин Полночной беседки — Хаяно Хадзин (см. примеч. к С. 167).

С. 176. *Тё* — мера длины, 109,09 м.

С. 177. *Да и нитями с бамбуком не пренебрегала* — «нити» и «бамбук» — образное обозначение музыкальных инструментов (струнных и духовых).

С. 178. *Стража Быка* — время от 1 часа до 3 часов ночи.

С. 179. *Долгая луна* — иное название девятого месяца по лунному календарю.

С. 181. Умэдзу Ханъэмон (1672–1720) — поэт школы Кикаку, известный под псевдонимом Китэки.

С. 182. Сиё и Сюмпан — двое из 47 самураев (см. примеч. к С. 169). Имеются в виду Оотака Гэнго и Томимори Сукэмон.

Кэ Ань и Дун Сянь — прославленные красавцы древнего Китая.

Су У и Ли Лин — китайские военачальники I века до н. э., о дружбе которых складывались предания. В китайской поэтической антологии «Вэнсюань» (VI век) есть их стихи, посвященные друг другу.

С. 183. Бакутэн (Мигизэ Бакутэн, 1701–1755) — поэт из Осака.

Рито (Сакураи Рито, 1681–1755) — один из ведущих эдосских поэтов школы Рансэцу.

Рёва (Ооба Рёва, 1677–1759) — эдосский поэт школы Рансэцу.

Годзяку (Хитоми Годзяку, <?>–1741) — врач и ученый, поэт школы Кикаку.

Мокусай Сэйга (Маэда Мокусэй, Сэйга Второй, 1698–1746) — эдосский поэт.

С. 184. *...станет твоим «зеленым ковром»* — то есть самой ценной домашней реликвией. Образ построен на следующем эпизоде из «Хроники династии Цзинь» (265–420): «Однажды, когда Ван Сянчжи ночью лежал в своем кабинете, в дом его неожиданно забрались воры, и стали забирать все подряд. Тогда Ван Сянчжи спокойно сказал: “Эй, ворышки, оставьте на

месте зеленый ковер, это самая старая вещь в моем доме". Испугавшись, вору убежали».

С. 184. Сюдэй — один из псевдонимов поэта Куроянаги Сёха (1727–1771), ученика Бусона. Сборник стихотворений Сюдэя был подготовлен и издан его сыном, Куроянаги (Рю)Корэкома, в 1777 году.

Один дзэнский монах... — Имеется в виду Хакуин (1685–1768). Известно, что, обратившись к человеку, пожелавшему стать на путь «дзэн», Хакуин сказал: «У одной ладони есть свой голос, слушай его».

С. 185. *Вот вы, например, с давних пор оказываете успехи в китайских стихах.* — Сёха в молодости учился китайской поэзии у Хаттори Нанкаку (1683–1759), одного из крупнейших поэтов и теоретиков поэзии на китайском языке, и только в преклонные годы стал сочинять «хокку».

В «Цанланшихуа» («Слово Цанлана о поэзии»), трактате, принадлежащем кисти критика чаньского направления Цан Лана (Ян Юя), жившего во время Южно-сунской династии (1127–1279), говорится о том, что овладеть китайским стихосложением можно, лишь избавившись от «пяти вульгарных»: вульгарности формы, вульгарности смысла, вульгарности строфы, вульгарности знака и вульгарности рифмы.

У художников есть понятие... — Бусон цитирует китайский трактат «Слово о живописи из сада с горчичное зерно». Этот трактат в начале эпохи Эдо был завезен в Японию и стал одним из самых почитаемых в среде художников-интеллектуалов (цит. по: Слово о живописи из сада с горчичное зерно. М., 1969. С. 43, пер. Е. В. Завадской).

С. 186. *Творцы школы не открывают ворота...* — Цитата из «Слова о живописи...».

Такараи Кикаку — см. примеч. к С. 165.

Хаттори Рансэцу — см. примеч. к С. 166.

Ямагути Содо (1649–1716) — поэт из Эдо, близкий школе Басё.

Уэдзима Оницура — см. примеч. к С. 104.

С. 187. *Душа же твоя продолжает «наслаждаться уединением»...* — Бусон цитирует предисловие Ли Бо к стихотворению «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут»: «Мы продолжаем наслаждаться уединением нашим, и наша речь возвышенною стала и к отвлеченной чистоте теперь идет... Но без изящного стиха в чем выразить прекрасную мечту?» (цит. по: Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М., 1958. С. 201).

Сёха улыбнулся. — В тексте использован термин, принятый в секте Дзэн — «мисё», «улыбка понимания». (Когда Будда закончил свою проповедь на Орлиной горе и стал молча крутить цветок лотоса, один из его учеников, Касё, понял, что он хотел этим сказать, и улыбнулся.)

Бакурин — один из псевдонимов Накагава Оцую (1674–1739), поэта из Исэ, которого современники осуждали за вульгарный, упрощенно-рациональный стиль.

Сико (Кагами Сико, 1665–1731) — ученик Басё, позже создал свою школу в провинции Мино, приверженец упрощенно-вульгарного стиля в поэзии.

Юань Чжэнь (779–831) — известный китайский поэт, современник и сподвижник Бо Цзюйи. Оба ратовали за простоту в поэзии.

У Вэй (1459–1508) и Чжан Пиншань (Чжан Лу, 1464–1538) — китайские художники эпохи Мин, обычно порицаемые художниками-интеллектуалами, ориентировавшимися, в основном, на живопись сунской эпохи.

С. 188. *Вернулся к желтым истокам* — то есть скончался. *Желтые истоки*, согласно китайской традиции, — загробный мир, царство мертвых.

Мои стихи удалились на Запад... — В Китае существует предание о том, что некто Дин Хуань (середина II века до н. э.) под руководством философа Тянь Хэ овладевал мудростью Ицзина («Книга перемен», один из канонов китайского «Пятикнижия»). Когда же, преуспев в учении, Дин Хуань вернулся на восток Китая, Тянь Хэ воскликнул: «Мой Ицзин удался на Восток». *Запад* — буддийский рай.

С. 189. Соа — один из псевдонимов Хаяно Хадзина, проповедовавшего уход от вульгарного и обращение к природе.

Старец из Снежной хижины — имеется в виду Хаттори Рансэцу, который был учителем Хаяно Хадзина, см. также примеч. к С. 167.

Хякури (Такано Хякури, 1666–1727) — поэт из Эдо, один из лучших учеников Рансэцу. Исаока Ганто, Хаяно Хадзин и многие другие поэты испытывали на себе сильное влияние его творчества.

Кимпу (Икутама<?> Кимпу, 1661–1726) — поэт из Эдо, ученик Кикаку.

С. 190. *Одного удара палкой* — удары палкой — один из распространенных приемов обучения в практике «дзэн».

Сабн (буквально «патина», «налет старины»), *сиори* (буквально «терпкость») — термины поэтики «хайкай», введенные Басё.

С. 192. *Лиловая лисица* — один из псевдонимов Басё.

Роин — один из псевдонимов Ёсивакэ Тайро (1730–1779<?>), поэта круга Бусона, главы осакской поэтической школы Роинся («Обитель в тени тростников»).

Кан — старинная денежная единица.

С. 194. *Что с начала читай, что с конца...* — В Японии принята слоговая азбука, один слог равен одному знаку. Слово «момосумо» записывается пятью знаками: «мо», «мо», «су», «мо», «мо» и поэтому является палиндромом, то есть читается одинаково и с начала и с конца.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ТРЕХСТИШИЯ (ХОККУ)	19
Весна	21
Лето	54
Осень	86
Зима	118
Разное	140
ПРОЗА	141
ПРИЛОЖЕНИЕ	195
Нанизанные строфы (рэнку)	197
ПРИМЕЧАНИЯ	210

В 1998 году издательство «Гиперион» в серии
«Японская классическая библиотека»
выпускает в свет книгу

САРАСИНА-НИККИ

(ОДИНОКАЯ ЛУНА В САРАСИНА)

Это личный дневник дочери аристократа и сановника Сугавара-но Такасуэ, написанный ею без малого тысячу лет назад. В нем уместилось почти сорок лет жизни — привязанности и утраты, замужество и дети, придворная служба и паломничество в отдалённые храмы. Дневник «Сарасина никки» рисует образ робкой и нелюдимой мечтательницы, которая «влюблялась в обманы», грезилась наяву, а сны хранила в памяти не менее бережно, чем впечатления реальной жизни. Возможно, после окончания дневника она удалилась в тихую горную обитель и там окончила дни в молитве, уповая на милость будды Амиды, который на склоне лет явился ей в видении.

К счастью, ее одинокий голос не угас в веках, не затерялся в хоре, и по сей день звучит печально, искренне и чисто.

Перевод со старояпонского, вступительная статья и комментарии *И. В. Мельниковой*

Издательство «Гиперион» в серии «Японская классическая библиотека» готовит к выпуску в свет антологию «Классическая поэзия японского “серебряного века”» в 3-х томах:

Т.1. Багряные пионы. Шедевры поэзии *танка* конца XIX–начала XX веков.

Т.2. Цветы ямабуки. Шедевры поэзии *хайку* конца XIX–начала XX веков.

Т.3. Дальнее эхо. Шедевры поэзии *киндайси* конца XIX–начала XX веков.

Перевод с японского *А. А. Долина*

Ёса Бусон
СТИХИ И ПРОЗА

Перевод с японского,
вступительная статья и комментарии
Т. А. Соколовой-Делюсиной

Ответственный редактор
С. Смоляков
Редактор
В. Лобачевский
Корректор
В. Лобачевский

Сдано в набор 1.05.98. Подписано в печать 17.08.98.
Формат 70×90 ¹/₃₂ Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Мысль». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,36. Тираж 3000.
Заказ 3763

Лицензия ЛР 064324 от 23 ноября 1995 г.

Издательство «Гиперион»
199178, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

